

ГИБЛОЕ МЕСТО

АНТОН
ГРАНОВСКИЙ

ПОСЛАННИКИ ТЬМЫ



Гиблое место

АНТОН ГРАНОВСКИЙ
Посланники тьмы

«ЭКСМО»

2010

Грановский А.

Посланники тьмы / А. Грановский — «Эксмо», 2010 — (Гиблое место)

Рано радовался Глеб Орлов миру и тишине. Гиблое место не дало ему спокойно ковыряться в своем огороде. Загадочная гибель друга снова приводит Орлова в столицу княжества русичей Хлынъ-град. Но на этот раз города не узнать. Вырвавшиеся из глубин Преисподней тени принимают облик убитых ими горожан. Княжеские охоронцы ни с того ни с сего начинают на Глеба настоящую охоту. А из Гиблой чащобы наползает зловещий туман, порождающий все новых и все более мерзких чудовищ. Ну что ж, пришлось Глебу Орлову засучить рукава. Ведь недаром прозвали его в этом мире Первоходом...

© Грановский А., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	7
3	12
4	15
5	18
6	21
7	27
8	30
9	33
10	36
11	39
12	44
13	47
14	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Антон Грановский

Посланники Тьмы

Если ты охотишься на чудовищ, опасайся, чтобы самому не превратиться в чудовище. Ведь если ты долго смотришь в бездну – бездна начинает смотреть на тебя.

Ф. Ницше

Глава первая

1

Осторожно и неторопливо пробирался молодой ходок Дивлян по Гиблой чащобе. Лес вокруг был темный и густой. Серого тумана в этом месте было поменьше, чем в окружающих ложбинах. Он стлался на земле брюхом, как живой, с коварной ласковостью обвивал сапоги Дивляна, поднимался до колен.

Кое-где клочья тумана висели между черными деревьями, не опускаясь и не поднимаясь. Натыкаясь на такие обрывки, Дивлян всякий раз останавливался и напряженно в них вглядывался.

Тишина в лесу стояла мертвая. Ни птиц, ни ветра. Лес будто бы впал в тяжелый, беспробудный сон.

Больше года назад вся чащоба затянулась непроницаемым серым туманом, и держался тот туман целый месяц. А как сошел – Гиблое место изменилось. Будто посуровело. И нечисть в нем завелась новая. И ходоки, которые сунулись туда, стали какими-то странными и неразговорчивыми, они не рассказывали никому о том, что видели. Двое ходоков опосля похода удавились, а еще один стал хлестать водку и допился до смерти.

Охотник-промысловик по прозвищу Вислоус, заплутав в тумане, забрел случайно в Гиблое место. Вернулся он оттуда через два дня, полностью поседевший.

Вислоус рассказывал, что видел в сером тумане какие-то быстрые тени и слышал вой столь жуткий, что умер бы со страху, если бы вместо него не умерли его волосы.

Хозяин постоялого двора дал охотнику лучшую комнату. А ночью из этой комнаты донесся оглушительный вопль. Когда охоронцы вбежали туда, они увидели, что Вислоус сидит на полу, сжимая в левой руке меч, и испуганно глядит в темный угол.

Потрогав Вислоуса за лицо, охоронцы поразились. Кожа его была так холодна, а мышцы так тверды, будто помер Вислоус не только что, а, по меньшей мере, день тому назад.

После смерти охотника по княжеству пошли слухи, что теперь всякого, кто сунется в Гиблое место, ожидает смерть – даже если он вернется из чащобы живым и невредимым.

...Тропа устремилась в низину, наполненную серым туманом. Дивлян не без робости ступил туда. Эх-эх... Не отправился бы он в Гиблое место, кабы не крайняя нужда. Пришел к нему три дня назад купец Бава Прибыток, а с ним еще двое, нездешних, и положили на стол большой кошель, туго набитый золотыми солидами.

«Твой будет, – сказали, – коли сделаешь, как мы велим».

«Я не слишком опытен», – пробовал отбрехаться Дивлян.

А Бава усмехнулся в усы, пригладил ладонью бороду, да и говорит:

«Слыхал я, Дивляша, что ты ходил в учениках у самого Глеба Первохода. Это дорогого стоит. К тому ж никто из ходоков больше в Гиблое место не шастает. Набили себе карманы

серебром да золотом, обленились. А ты, я слышал, бос да гол. И сестры твои – немощные калеки. Деньги-то, небось, нужны».

А кошель с золотом все лежал на столе, и глаз от него отвести было невозможно. Как тут не согласиться?..

Согласился.

...Спустившись в низину, Дивлян прошел всего несколько шагов, когда заметил, что в одном месте туман стал сгущаться. Сгусток тумана шевельнулся и вдруг неторопливо поплыл в сторону Дивляна. Чем ближе он был, тем четче становились его очертания. И вот уже не сгусток тумана, а человек – призрачный, туманный – шел бесшумно по сырой, темной траве.

Дивлян открыл от изумления рот и попятился назад. Под каблуком его сапога тихонько хрустнул мокрый валежник. Туманный человек остановился и повернул голову в сторону Дивляна. Ходок поспешно отпрянул за дерево, но пред тем успел заметить, что вместо лица у странного туманного человека пустое, ровное место.

Так вот какие новые чудовища появились в Гиблом месте!

Дивляна пробрал лютый ужас. Колени его ослабли, волосы на голове встали дыбом.

«Бог Семаргл, не дай мне пропасть! – беззвучно взмолился ходок. – Клянусь, никогда больше не сунусь в Гиблое место! Дай только унести отсюда ноги, дай вернуться к мамке и сестрам! Они без меня пропадут!»

Выждав немного, Дивлян осторожно выглянул из-за дерева – выглянул и чуть не обделался со страху. Безликий человек стоял прямо перед ним.

Дивлян вскрикнул, повернулся и бросился бежать. Однако пробежать удалось всего несколько шагов. Потом что-то сильно толкнуло Дивляна в спину, он потерял равновесие и упал на землю. Хотел подняться, но туман навалился на него, словно огромное, потное, смрадно дышащее животное, и придавил к земле.

Дивлян поднатужился, выхватил из ножен меч и рубанул мечом по туману, но меч увяз в этом тумане, как в глине. И вдруг кто-то с силой вырвал меч из пальцев Дивляна. Ходок увидел, как что-то черное стремительно приближается к нему сквозь туман, а в следующее мгновение что-то схватило его за ноги и подняло в воздух.

В этот миг Дивлян забыл, что он уже мужчина, забыл, что ему уже восемнадцать лет и что в жилах у него бежит кровь потомственного охотника. Он набрал полную грудь воздуха и закричал:

– Мама!

Левая рука ходока дернулась, горячие капли брызнули ему на лицо. Дивлян скосил глаза влево и увидел, что руки у него больше нет, а вместо нее торчит белая, страшная, измазанная кровью кость.

Что-то темное мелькнуло у Дивляна перед глазами, и вслед за тем серое, безликое лицо, сотканное из клубящегося тумана, приблизилось к его лицу. Словно это сама тень Дивляна глядела на него.

– Кто ты? – с ужасом и тоской крикнул он в эту тень. – Что ты такое?

На мгновение Дивляну показалось, что он увидел два черных, бездонных глаза, и тут чашобу потряс громкий, гортанный, нечеловеческий смех.

Дивлян снова хотел закричать, но холодная черная мгла устремила ему в рот, втекла в глаза и выморозила ему внутренности.

2

Месяц спустя, северный берег большого Эльсинского озера

– Еще что-нибудь? – поинтересовался толстый целовальник Назарий, протирая оловянный стаканчик сухим рушником.

– Угу, – с холодноватой усмешкой отозвался парень, сидевший на лавке у деревянной стойки. – Веревку и шаткий стул.

Парень был широкоплеч и строен – смуглое, худощавое, сосредоточенное лицо, уверенные легкие движения. Одет он был в короткую меховую куртку, а волосы имел темные и длинные. По виду – молодой охотник-промысловик. Впрочем, не такой уж и молодой. Лет тридцать, наверно, не меньше.

Целовальник вскинул бровь.

– Ты сегодня не в духе, Первоход?

Парень раздраженно дернул щекой:

– Сон дурной приснился.

– Опять? И что за сон?

– Да чепуха. Как будто выхожу я в праздничный день на площадь, шляюсь в толпе, покупаю пряники, пью медовуху. И вдруг гвалт смолкает, и наступает мертвая тишина. И в этой тишине все люди – все до единого – молча смотрят на меня. Сначала мне все это странно, а потом до меня вдруг доходит...

Глеб Первоход сделал паузу, чтобы отхлебнуть из кружки.

– Доходит – что? – спросил Назарий.

Глеб поставил кружку, посмотрел целовальнику в глаза и сухо проговорил:

– Что на этой площади лишь я один – человек. А остальные только притворяются людьми. Гляжу на них, а у них вместо лиц – темные дыры. Я хватаюсь за меч, а меча нет. Тянусь к кобуре, но и она пуста.

– Эвона как, – замороженно проговорил целовальник. – И что было дальше?

Глеб хмыкнул:

– Дальше все было хорошо. Дальше я проснулся.

Назарий нахмурился и покачал головой.

– Сон твой и впрямь страшен, – тихо сказал он. – А мне сны вообще не снятся. Раньше я тревожился, но потом понял – лучше совсем никаких снов, чем такие, как бывают у тебя.

Целовальник сполоснул в ведре с водой второй оловянный стаканчик и принялся тщательно натирать его рушником.

– Что северные купцы? – поинтересовался он, меняя тему. – Купили твою свеклу?

Глеб оживился.

– Все купили, – ответил он. – И свеклу, и клубнику, и крыжовник. Золотом заплатили.

– Прибыльное, значит, дело – огородничество?

– Смотря что выращивать. Вот ты, например, знаешь, что такое огурец?

Назарий покачал головой:

– Нет.

– А скоро его во всех русских землях есть станут.

– Это вряд ли, – возразил целовальник. – Русский человек иноземную пакость в рот никогда не возьмет.

Глеб хотел высказаться, но вдруг замолчал и прислушался.

– Что это там за шум? – спросил он.

Прислушался и целовальник. С улицы доносились приглушенные голоса, и звучали они угрожающе. Целовальник нахмурился.

– Никак опять бродяги у кружала людей обирают, – с досадой проговорил он. – Совсем испаскудился народ. Ни богов, ни княжьей власти не страшится.

– Пойду посмотрю, – сказал Глеб.

Назарий посмотрел на него опасливо.

– Не ходил бы, – осторожно проронил он. – Бродяги нынче границ не знают, чуть что – за нож хватаются.

– Ничего. – Глеб поставил кружку на стол. – Посторожи мой сбитень.

Он слез со скамьи, поправил, откинув полу длинного плаща, ножны и зашагал к выходу.

На улице похолодало и свечерело. Черная, мокрая земля поблескивала в свете слюдяного фонаря. Снег в здешних местах и в январе был редкостью, а в марте его совсем не осталось. Глеб успел немного соскучиться по настоящим белым сугробам, серебрящимся в свете луны.

Чуть в стороне от кружала он увидел то, что ожидал. Трое здоровенных бродяг окружили богато одетого человека, который только что спешился с рослого вороного коня, и вымогали у него деньги.

Этап жалобного скулежа они уже миновали и теперь перешли к прямым угрозам. Глеб услышал, как странник приглушенно проговорил:

– Нету денег, мужики! Сварогом клянусь – нету!

Один из лиходеев ощерился.

– Чего ж тогда к карманам не пускаешь? Дай сами поглядим!

– Это мои карманы, – ответил путешественник, угрюмо глядя на бродягу. – И, кроме меня, туда никто руку не запустит.

– Карманы твои, – согласился другой верзила, еще выше прежнего, со смуглой разбойничьей физиономией. – А то, что в них, – наше. Кто по этой дороге идет, нам мзду платит. Плати и ты.

Глеб увидел, что двое из бродяг сунули правые руки в карманы залатанных кафтанов. Путешественник тоже, как бы невзначай, положил пальцы на рукоять сабли.

Поняв, что сейчас начнется кровавая драка, Глеб шагнул вперед и вышел из тени.

– Эй, вы! – грубо окликнул он бродяг. – Оставьте человека в покое!

Уличные громилы повернулись на голос и зыркнули на Глеба холодными глазищами.

– Не нарывайся, огородник, – сказал один из них, самый низкорослый и широкоплечий. – Этот мытарь – наша добыча.

– Иди поли свою репу, а в наши дела не суйся! – рявкнул другой.

Бродяги снова повернулись к мытарю.

– Так не дашь обыскать карманы? – спросил самый рослый из них.

Мытарь насупил брови и тихо ответил:

– Не дам.

– Ну, пеняй на себя. Мочи его, ребята!

Двое молодчиков выхватили из карманов раскладные ножи, а третий, самый низкий и широкоплечий, схватил огромной пятерней руку мытаря, лежащую на рукояти сабли, и крепко сжал ее.

Лезвие ножа чиркнуло путешественника по предплечью, он вскрикнул и шатнулся в сторону, но тут второй верзила саданул его ножом в бок. Но мытарю снова удалось увернуться. Лезвие ножа лишь распорол его кафтан и слегка прорезало кожу.

Мытарь выхватил из ножен саблю, но тут коренастый бродяга ударил его по запястью камнем, и сабля со звоном упала на мерзлый кругляш замощенной площадки.

Мытарь попятился и прижался спиной к стене кружала. Он стоял, тяжело дыша, придерживая рукой порезанный бок, и смотрел на окруживших его головорезов сверкающими глазами загнанного в ловушку зверя.

Решив, что самое время вмешаться, Глеб с лязгом выхватил меч из ножен и шагнул к бродягам. Движения его были быстрыми и точными. Первым же ударом он выбил нож из руки самого рослого бандита, затем ударил его ногой в колено и двинул в челюсть крестовиной меча. Верзила рухнул наземь.

Второй бродяга бросился на Глеба, но получил встречный удар голоменью меча в лоб и грохнулся в покрытую тонкой коркой льда лужу.

Увидев, что приятели повержены, коренастый головорез подхватил с земли саблю и приставил ее острие к горлу мытаря.

– Сделаешь еще шаг, перережу мытарю горло! – процедил он сквозь зубы, поглядывая на Глеба свирепыми глазами.

Глеб вложил меч в ножны, затем спокойно достал из заплочной кобуры ольстру и направил ее дуло бродяге в лоб.

– Давай, – просто сказал он. – Перережь ему горло, а я прострелю тебе башку.

Несколько секунд Глеб и коренастый разбойник смотрели друг другу в глаза. Затем негодяй усмехнулся и медленно опустил саблю.

– Положи ее на землю! – скомандовал Глеб, качнув стволом ольстры.

Бродяга подчинился.

– Теперь бери своих дружков за шиворот и тащи их отсюда прочь, – приказал Глеб. – И запомни: еще раз увижу вас возле кружала, убью.

Коренастый сделал все в точности, как велел Глеб, схватил бродяг за шиворот и одним рывком поставил их на ноги.

– Еще свидимся, огородник! – тихо, с едва заметной усмешкой, проговорил он и потащил дружков прочь.

Бродяги скрылись за углом.

Глеб сунул ольстру в кобуру и взглянул на мытаря. Тот уже поднял свою саблю. Кафтан на его правом боку промок от крови.

– Сильно они тебя? – спросил Глеб.

Мытарь мотнул головой:

– Нет. Ты вовремя подоспел. – Он вложил саблю в ножны и взглянул на Глеба: – Кто ты такой, негаданный защитник?

Глеб усмехнулся.

– Я светлый лучик в беспросветной тьме твоей жизни, мытарь. Идем в кружало. Нужно обработать твои царапины.

Мытарь неуверенно посмотрел на своего вороного скакуна, переминающего копытами у коновязи.

– А как же конь? – спросил он. – Эти мерзавцы его не украдут?

– Нет, – ответил Глеб. – В здешних краях почитают бога Камоку. У него лошадиная голова, и он ненавидит конокрадов. Местные бродяги скорей размозжат голову женщине или старику, чем украдут лошадь. Идем!

Глеб повернулся и первым зашагал к кружалу. Мытарь, пораздумав секунду, последовал за ним.

– Садись. – Глеб помог мытарю усесться на лавку. – Назарий, дай нам водку и чистую тряпицу. Да, и еще одну кружку для моего приятеля.

Целовальник кивнул и пошел в чулан. Мытарь посмотрел, как Глеб берет кружку с недопитым сбитнем, и сказал:

– Они назвали тебя огородником. Ты правда огородник?

Глеб хлебнул сбитня и кивнул:

– Угу.

Целовальник вышел из чулана и опустил на стойку кубышку с водкой и чистые тряпичные лоскуты.

Глеб поставил кружку на стойку, взял лоскут и повернулся к мытарю.

– Снимай кафтан и задирай рубаху.

Мытарь скинул дорогой кафтан и обнажил разрезанный бок.

– Ты ведь не просто огородник, верно? – слегка поморщиваясь от боли, поинтересовался он, глядя на то, как быстро и ловко Глеб накладывает повязку.

– Почему ты так решил?

Мытарь хмыкнул:

– Скажем так: на своем веку я повидал немало огородников, и ты не похож ни на одного из них.

Глеб закончил дело и смахнул с колен тряпичные нитки.

– Ошибаешься, – сухо проговорил он. – Если захочешь, могу продать тебе капусту или баклажаны, выращенные собственными руками. Одевайся.

Пока Глеб наполнял кружку мытаря хмельным сбитнем, тот заправил рубаху в штаны и натянул теплый, подбитый соболями кафтан. Глянув на приклад обреза, торчащий из кобуры Глеба, он вдруг сказал:

– А я понял, кто ты. Твоя ольстра тебя выдала. Ты ведь Первоход, верно? Ходок в места погиблые.

Глеб не ответил. Он молча повернулся к стойке и взялся за свою кружку. Но мытаря, казалось, охватил новый приступ любопытства, и остановиться он уже не мог:

– Что ты делаешь в этой дыре, Первоход?

– Живу, – ответил Глеб, прихлебывая сбитень.

– Живешь? – Мытарь прищурился. – В Хлынском княжестве про тебя ходят легенды. Говорят, что ты был лучшим ходоком! И что самая злобная нечисть обходила тебя стороной! А теперь ты простой огородник?

Глеб покачал головой и едва заметно усмехнулся.

– Не простой. Я лучший огородник на всем Северном побережье.

Мытарь тихо засмеялся:

– Ну, пусть будет так. – Он взял свою кружку и осторожно глотнул. – М-м... А это вкусно! – Сделав еще глоток, мытарь поставил кружку на стойку и спросил, понизив голос: – Послушай-ка, Первоход, а молодой ходок Дивлян – не твой ли ученик?

– Дивлян? – Глеб прищурил недобрые глаза. – Возможно. А тебе что за дело?

Охотник хлебнул сбитня и облизнул сладкие губы.

– С месяц назад ходок Дивлян вернулся из Гиблого места.

– Вот как? – Глеб недоверчиво нахмурился. – А я слышал, что в Гиблое место уже никто не ходит.

– Верно, – кивнул мытарь. – Дивлян был последним. Говорят, Бава Прибыток отвалил ему за это целый пуд золота.

– Вот как, – неопределенно проговорил Глеб. – И что Баве понадобилось в Гиблом месте?

– Того никто не ведает, – ответил странник. – Сговор у них был тайный. Дивлян пропал в Гиблом месте три дня, а вернулся с культяпой вместо левой руки. С тех пор он жил в своей конуре один, ни с кем из старых знакомцев не разговаривал, а на улицу, сказывают, выходил только по вечерам.

Глеб немного помолчал, попивая сбитень, затем покосился на странника и глухо спросил:

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

Мытарь пожал плечами:

– Сам не знаю. Думал, тебе интересно. Дивляна-то убили. С неделю назад.

Несколько секунд Глеб молчал. Лицо его потемнело, глаза замерцали мрачным огнем. Потом он облизнул губы и хрипло спросил:

– Как это случилось?

Мытарь пожал плечами:

– Да ведь никто не знает. Известно только, что смерть его была страшной. Точно не ведаю, но рассказывают, что Дивлян сидел на полу, весь иссохшийся, будто из него выпили все соки. Глаза вытаращены и смотрят в угол комнаты. – Мытарь передернул плечами и обмахнул себя охранным знаком от нечисти, после чего договорил: – А в глазах его стоял такой ужас, что даже князьему дознавателю стало не по себе.

Глеб молчал, о чем-то размышляя. Мытарь тем временем допил сбитень и вытер рукавом рот.

– Жалко Дивляна, – сказал он со вздохом. – Совсем ведь еще мальчишка был. Говорят, у него остались сестры-калеки. Теперь пойдут по миру.

Глянув на молчаливого Глеба, мытарь сдвинул брови и сказал:

– Ладно, Первоход, мне пора. Спасибо, что помог отбиться от лиходеев.

Мытарь поднялся с лавки и оправил дорогой кафтан. Затем взял со стойки соболью шапку и нахлобучил на голову.

– Слышь, ходок, – тихо позвал он, – ты только не возвращайся в Хлынь. Слышал я, что за твою голову князь назначил щедрую награду.

Глеб продолжал молчать, стиснув в пятерне кружку со сбитнем и нахмутив смуглый, обветренный лоб.

– Ну, ладно. Бывай здоров!

Мытарь повернулся и торопливо вышел из кружала.

Целовальник вернулся с другого конца стойки и, взглянув на Глеба, спросил:

– О чем задумался, Первоход?

Глеб качнул головой и посмотрел на целовальника туманным взглядом, как человек, только что вышедший из глубокой задумчивости. Затем нахмурился и сказал:

– Присмотришь за моим хозяйством?

– Конечно. А ты далеко ли собрался?

– Далеко, – ответил Глеб.

Назарий сдвинул брови и внимательно посмотрел на Глеба.

– Хочешь отправиться в Хлынь?

Глеб промолчал.

– Зря ты это затеял, – хмуро проговорил целовальник. – Знаешь ведь, как тебя там встретят.

– Да уж знаю. Нет пророков в своем отечестве. А людская любовь переменчива. Сегодня тебя носят на руках, а завтра втоптывают в грязь.

– Ты ослушался князя, – напомнил Назарий. – А это хуже любого преступления. Кабы не твои ратные подвиги, не выпустили бы тебя из Хлыни живым.

На это Глеб ничего не сказал.

– Я слышал, ваш князь набрал охоронцев из викингов, – снова заговорил Назарий. – Сказывают, лютее и сильнее их не найти. Убьют они тебя.

– Пусть попробуют, – мрачно проговорил Глеб. – Ладно. Мне тоже пора.

Он достал из кармана охотничьей куртки связку ключей, снял один ключ и брякнул его на стойку. Затем убрал всю связку обратно в карман, положил на стойку пару медных монеток, повернулся и зашагал к выходу.

Назарий посмотрел ему вслед, вздохнул и покачал головой.

3

Холодно и голодно жил Хлынь-град после недавней войны. Многие лавки на торжке и в гостиных рядах позакрывались. Иные купцы обезденежили от лютых княжких поборов, другие припрятали товары до лучших времен.

То, что осталось, стоило дорого, а качества было отвратительного. Рыба и та стала будто бы мельче и тощее после войны. Как писали в старинном романе – озлобленно, праздно и голодно шумел большой город.

Глеб въехал в город в сумерках, в складчинной телеге, на которой помимо него сидели, закутавшись в шубы и шали, трое замерзших купчиков. У гостиных рядов Глеб спрыгнул с телеги, взял свою суму, сшитую из оленьей кожи, и махнул возчику, чтобы ехал дальше.

На обочине дороги сидел на деревянной тележке безногий калика. Глеб сунул в его грязную ладонь монетку и спросил:

– Как тут у вас?

– В Хлыни-то? – Калика сверкнул на Глеба лукавыми глазами. – Да по-всякому. То нас дерут, то мы дерем. А пузо у всех одинаково пухнет – у богатого от брашна, у бедного – с голодухи.

Глеб улыбнулся.

– Язык-то у тебя длинный, калика, – заметил он. – Гляди, подрежут.

– Оно и к лучшему, – отозвался калика. – В последние месяцы я им все равно ничего не лижу, кроме купецких задниц. А для этого дела и без меня охотники найдутся.

Глеб засмеялся, поправил на голове охотничью шапку, закинул сумку на плечо и зашагал по мостовой.

Мимо проскользила кавалькада из трех расписных саней. Перед санями бежали фонарщики со слюдяными фонарями на длинных древках. Знатные, видать, поехали купцы. Уж не сам ли Бава Прибыток?

Глеб усмехнулся, перешел через дорогу и, дойдя до торжка, свернул в темный переулок. По нему он шел минут двадцать, после чего снова вывернул на большую дорогу, прошел еще чуток и остановился возле постоянного двора Дулея Кривого, огороженного высоченным забором.

Сторожу, топчашемуся под слюдяным фонарем с колотушкой в руке, Глеб дал резаную медяшку и спросил:

– Сестры-калики все еще здесь живут?

– Здесь, – ответил тот. – Но к ночи съедут.

– Чего это вдруг?

– Дулей их гонит в шею. Живут, а не плотют.

– Ясно.

Глеб прошел мимо сторожа, распахнул калитку и, поскрипывая снежком, зашагал к большому дому.

Комната, где жили сестры ходока Дивляна, располагалась на первом этаже, сразу за хозяйственными помещениями, и была, без сомнения, самой ветхой и плохо обставленной конурой в доме Дулея Кривого.

Дверь они не запирали, потому как каждый знал, что красть у сестер нечего, а на их колченогую красоту никто не зарился. Завидев на пороге Глеба, обе сестры вскочили с лавок и с радостными криками захромали ему навстречу.

– Глеб!

– Глебушка!

Глеб крепко их обнял, и девушки зарыдали у него на груди.

– Ну-ну-ну, – улыбнулся Глеб, крепко обнимая девушек и поглаживая их по вздрагивающим спинам. – Все будет хорошо. Все наладится.

– Глеб, Дивляна сгубили...

– Да, я знаю.

Он вновь погладил сестер по худым спинам. Затем неловко проговорил:

– Ну, будет... Будет вам. Дайте я на вас посмотрю.

Как и каждый раз, когда Глеб встречался с сестрами Дивляна, он удивился несправедливости природы, которая наградила девушек изумительной красотой, но при этом, словно издеваясь сама над собой, сделала их хромоножками.

Через тысячу с лишним лет, в начале двадцать первого века, их лица неплохо бы смотрелись на глянцевой обложке «Воуга» или «Вэнити фэйр». А их точеным фигуркам позавидовали бы лучшие манекенщицы. Но из-за хромоты девушки считались в городе едва ли не самыми жуткими уродинами. Да и себя наверняка считали таковыми. Кроме того, по здешним меркам они были излишне худосочны.

Внешне Рожена и Божена были совершенно неотличимы. Но Божена была милой и приветливой девушкой, и улыбка у нее была милой и приветливой, а Рожена улыбаться почти не умела, от постоянной хмурости между бровей у нее обозначилась тонкая поперечная морщина.

Вытерев мокрое от слез лицо платком, Рожена сказала:

– Глеб, как мы рады, что ты вернулся!

– Мы по тебе скучали! – с улыбкой добавила Божена.

– Жаль, что Дивлян не дожил до твоего возвращения!

– Проходи к столу!

Глеб вошел в горницу, прошел к столу и сел на лавку.

– Как вы? – спросил он.

– Ничего, живем. Прости, нам совсем нечего подать на стол.

– Это не беда.

Глеб скинул с плеча сумку, ослабил стяжку и сунул в нее руку. Сестры, несмотря на то что глаза их все еще были на мокром месте, уставились на сумку замороженными взглядами, словно дети, с восхищением ожидающие, что же достанет из своего мешка Дед Мороз.

Глеб выгрузил на стол каравай хлеба, кусок вяленого мяса, сырную голову и кожаный бурдючок с красным византийским вином. Сестры зарделись.

– Глеб, мы...

– Только не надо слов, – спокойно сказал он. – Дивлян не раз выручал меня. Теперь моя очередь.

Пока сестры накрывали на стол, Глеб порезал хлеб, мясо и сыр, разлил вино по глиняным стаканчикам.

Сестры стеснялись есть при Глебе, и ему приходилось едва ли не силой заставлять их проглатывать очередной кусок. Посчитав наконец, что Рожена и Божена сыты, Глеб заговорил о деле. Начал он почти издалека:

– Мне жаль, что так случилось с Дивляном. Он не заслужил такой смерти.

– Он был хорошим братом, – тихо сказала Божена. – Никогда не обижал нас.

– А если кто пытался обидеть, всегда нас защищал, – добавила Рожена.

– Да, он был славным малым. – Глеб снова наполнил вином стаканчики. – Давайте выпьем за то, чтобы ему нашлось место в блаженном Уграе.

Они выпили, не чокаясь. Рожена заела вино кусочком сыра, глянула на Глеба грустными глазами и тихо сказала:

– Дивлян постоянно говорил о тебе.

– Правда?

Она кивнула:

– Да.

– Только не в последние дни, – призналась Божена. – После своего возвращения из Гиблого места он к нам заходил редко.

– С тех пор, как Дивлян вернулся из Гиблого места, он был сам не свой, – подтвердила Рожена. – С нами почти не разговаривал. Да и ни с кем не разговаривал. Ходил угрюмый. А то, бывало, уставится в пустой угол и дрожать начинает. Будто что-то там видит.

– А где он жил? – поинтересовался Глеб.

– Да здесь же, у Дулея Кривого, – ответила Рожена. – Его комната была наверху, окнами на торжок. Он всегда уходил через «черную» дверь, так что мы с ним почти не встречались.

– Вот как. – Глеб вновь наполнил стаканчики. – Я слышал, что вы сегодня съезжаете, – сказал он. – Где собираетесь остановиться?

Сестры еще больше погрустнели.

– Пока не знаем, – ответила за обеих Рожена. – Платить нам нечем. Может, кто согласится приютить нас в долг. А ты надолго ли в Хлынь?

Глеб пожал плечами.

– Пока не знаю. Дел много, а времени мало. Вот и к вам забежал всего на минутку. – Он залпом выпил свое вино и поставил стаканчик на стол. – Ладно. Рад был вас увидеть.

– Может, останешься? – тихим голосом спросила Божена. – На дворе скоро ночь.

– Мы постелим тебе на лавке, а сами ляжем на пол, – поддержала сестру Рожена. – Оставайся, Глеб. Уверена, Дулей согласится погодить до утра.

Глеб качнул головой:

– Не могу. Дел невпроворот. Лучше я зайду к вам завтра.

Он поднялся с лавки и закинул на плечо сумку. Сестры встали его проводить. У двери Божена спросила тихим, смущенным голосом:

– Глеб, а ты правда придешь завтра?

– Да. Наверное. Если не случится ничего непредвиденного.

– Я буду ждать, – пролепетала Божена, отвела взгляд и слегка покраснела.

Рожена посмотрела на нее насмешливо. Затем перевела взгляд на Глеба и сообщила:

– Эта дура в тебя влюблена.

– Не говори ерунды, – еще больше покраснела Божена. – Просто я... Просто я волнуюсь за тебя, Глеб. В Хлыни нынче беспокойно. А за твою голову обещана награда.

– Ничего, – сказал Глеб и улыбнулся Божене. – Бог не выдаст, свинья не съест. Не скачайте.

Он наклонился и по очереди поцеловал сестер в теплые щеки. Затем повернулся и вышел из комнатки.

4

Достучаться до хозяина постоянного двора оказалось делом непростым. Решив, что в руках проку нет, Глеб саданул по двери сапогом.

– Чего там? – послышался из-за двери хриплый, пьяный голос.

– Дулей, открой дверь! – крикнул в ответ Глеб.

– А это кто стучится?

– Глеб! Глеб Первоход!

– Врешь! – гаркнул в ответ хозяин. – Глеба Первохода прибили князьи дружинники!

Ступай прочь, бродяга, пока я тебя не поколотил!

Глеб вновь громыхнул по двери ногой.

– Открой или вышибу дверь!

– Только попробуй! У меня за стеной живут наемные охоронцы! Кликну их, они тебе враз навалают!

Время переговоров истекло. Глеб отошел на пару шагов от двери, затем разогнулся и ударил в дверь плечом. Легкий засов вылетел из старых, давно нуждавшихся в замене досок.

Распахнув дверь, Глеб увернулся от брошенного ему в голову глиняного кувшина, шагнул вперед и легонько врезал хозяину кулаком в челюсть, чтобы привести его в чувство.

Дулей грохнулся на лавку и удивленно заморгал.

– Первоход! – дрогнувшим голосом прохрипел он.

Хозяин постоянного двора был невысок, но кряжист и пузат и видом своим напоминал бочку. Толстые руки его были волосаты, голова плешива, один глаз выбит, а нос своим видом и цветом напоминал незрелую сливу.

– Вот это да! – снова выдохнул Дулей. – А я думал, ты в тридевятом царстве.

– Теперь нет. – Глеб пододвинул к себе расписную скамью и сел на нее.

– Да уж вижу. – Дулей усмехнулся. – Ежели про тебя доложат князю... – Он не договорил и облизнул толстые губы. – Зачем ты здесь, Первоход?

– По делу.

– Если тебе нужна комната, я найду. Сегодня как раз одна освобождается.

– Освобождается?

– Угу. – Дулей взял со стола кувшин с брагой, отхлебнул через край и вытер рот рукавом грязной рубахи. – Живут тут две кособокие девки. Денег уж вторую седмицу не платят. Хотел их проезжим по копейке за ночь продавать, да кто ж таких тощих да кривобоких возьмет?

Глеб наклонился вперед, сгреб Дулея за рубаху и приблизил свое лицо к его физиономии.

– Эти девки – сестры моего друга, – глухо проговорил он. – Выгонишь их из дома, пеняй на себя.

Дулей поежился под холодным взглядом Глеба.

– Что ты, Первоход, – примирительно проговорил он, – нешто я не понимаю? Да только за житье платить надо. Ты человек сурьезный, но ведь и я свою правоту имею.

Глеб выпустил Дулея, достал из кармана кошель и ослабил тесьму. Дулей уставился на кошель.

Глеб достал серебряную резанку и швырнул ее на стол.

– Это за сестер Дивляна, – сказал он. – А это... – Глеб вынул еще одну резанку и положил ее рядом с предыдущей. – За разговор.

Дулей посмотрел на деньги и шумно задышал. Затем перевел взгляд на Глеба и спросил подрагивающим от волнения и алчности голосом:

– За какой такой разговор?

– Ходок Дивлян жил в угловой комнате, верно?

Дулей кивнул:

– Ну да.

– В тот день, когда его нашли, ты был тут?

– Тут. Я его и нашел.

– Расскажи мне об этом.

– А чего тут рассказывать? Сидел я у себя в комнате, бражничал. Вдруг слышу – крик. Ну, думаю, неужто ходок напился? А время уж позднее, постояльцы спят. Вот я и отправился к Дивляну, чтобы заткнуть ему рот. Пришел, а он уже мертв.

– Что было потом?

– Потом? Да то же, что и всегда. Я послал холопа за княжьими охоронцами. А следом за ними пришел и дознаватель.

– Который из дознавателей?

– Замята.

Глеб задумчиво потер пальцами щеку и спросил:

– Дивлян жил один?

– Ну да. А что?

– К нему кто-нибудь захаживал?

Хозяин постоялого двора криво усмехнулся.

– Какое там. Даже сестры к нему не совались. Иногда он передавал им пряники да баранки через моего мальчонку. И раз в неделю вносил плату за их постой.

Глеб обдумал его слова и протянул руку.

– Дай мне ключ от комнаты Дивляна.

– Зачем? – насторожился Дулей.

– Хочу осмотреться.

Несколько секунд хозяин постоялого двора пялился на ладонь Глеба, затем вдруг побагровел, выпятил грудь колесом и сверкнул глазом.

– Чего это ты тут раскомандовался, ходок?! – хрипло гаркнул он. – Я тебе не слуга, а ты мне не хозяин!

Глеб вздохнул. Дело осложнилось.

– Дулей, – терпеливо проговорил он, – ты уже крив, не вынуждай меня выбивать тебе второй глаз. Я просто хочу...

Хозяин постоялого двора метнулся к лавке, схватил лежащий на ней меч и выставил его перед собой.

– А как тебе это? – ощерился он на Глеба. – Иди отведай! Понравится, дам еще!

– Меч? – Глеб усмехнулся. – И давно ты им в последний раз махал?

– Давно али недавно, какая разница? Рука у меня крепка, а твоя голова к шее не гвоздями прибита! Махну мечом, да и срежу под корень!

Глеб положил руку на приклад ольстры, торчащий из жесткой кожаной кобуры, и пристально посмотрел на хозяина постоялого двора.

– Не связывайся со мной, Дулей, – негромко, но твердо проговорил он. – Ты был хорошим ратником, но времена те давно прошли. Опусти меч и дай мне ключ от комнаты Дивляна. Не вынуждай меня применять силу.

Дулей опасливо покосился на ольстру, хотя и не верил до конца, что Глеб решится стрелять.

– Ладно, – неохотно проговорил он. – Твоя взяла. – Дулей опустил меч и швырнул его на лавку. – Не так уж ты и силен. Кабы не огнестрельный посох, скрутил бы я тебя и запер в кладовке.

Пройдя к деревянному щиту, прибитому к стене и утыканному гвоздями, Дулей снял с одного из гвоздей ключ и швырнул Глебу.

– Держи!

Глеб поймал ключ, повернулся к двери и вышел из комнаты.

Выждав немного, Дулей встал с лавки, просеменил к двери, открыл ее и выглянул в коридор, дабы убедиться, что Первоход ушел. Затем плотно прикрыл дверь, подошел к стене, сдвинул в сторону кусок грубой рогожи, открыв черную дыру, и крикнул в эту дыру:

– Лочок! Лочок, сучий сын!

– Чего, дяденька Дулей? – гулко откликнулся из дыры мальчишечий голос.

– Живо беги за князьими охоронцами! Скажи – Первоход здесь!

– Хорошо, дяденька Дулей!

Дулей отпрянул от дыры и занавесил ее куском рогожи. Посмотрел на дверь злым взглядом и пробормотал:

– Хотел бы я посмотреть, как ты будешь храбриться, когда тебя растянут на дыбе.

5

Обшарпанная, бедно обставленная комната. Старенькая, закопченная до черноты печь в углу. Исцарапанная, изгаженная пятнами столешница. Деревянная кровать с тощим соломенным тюфяком. У маленького окна, затянутого потемневшей слюдяшкой, старый сундук.

Глеб откинул крышку сундука и заглянул внутрь. Несколько пустых берестяных туесков и больше ничего.

Глеб достал из кармана коробку с бутowymi самокрутками, вынул одну и сунул в обветренные губы. Щелкнул зажигалкой, выпустил дым и еще раз огляделся.

– Что же с тобой произошло, Дивлян? – проговорил Глеб задумчиво. – Не верю, что ты просто так взял да и помер. А если тебя убили, то за что? – Глеб выпустил облако дыма, посмотрел, как расплывается оно под потолком, и прищурил глаза. – Может, ты что-то скрывал?

Он снова огляделся. Да, комнатка была бедная. И никаких признаков того, что здесь недавно жил живой человек.

Уровень потребностей Дивляна был ненамного выше, чем у дворовой собаки. Но ведь во всем виновата нужда.

Глеб снова тщательно обыскал комнату, разглядывая вещи Дивляна и пытаясь представить себе его жизнь. Представить и понять, что в ней могло привести парня к гибели, да еще такой ужасной.

Но как Глеб ни старался, он не нашел ни одного подходящего места для тайника, и не было даже ни малейших намеков, что Дивлян пробовал что-то прятать.

Остановившись посреди комнаты, Глеб закурил самокрутку и тихо проговорил:

– Давай, Дивлян. Покажи: что это было? За что тебя прикончили? Ты что-то спрятал или что-то видел?

Выпустил облачко сизого дыма, Глеб по привычке проследил взглядом, как расплывается оно в воздухе, и вдруг прищурил глаза. Под самым потолком Глеб увидел слегка отошедшую от стены доску.

Глеб поспешно пододвинул к стене лавку, забрался на нее и без труда отодрал выпятившуюся доску. Затем достал зажигалку и выщелкнул язычок пламени.

Огонь осветил деревянную, запыленную полку, но полка эта была пуста. Глеб вгляделся внимательней и увидел, что в одном месте пыли не было. Прежде там явно что-то стояло. Предмет был небольшим – глиняная крынка или берестяная шкатулка.

– Так-так, – прищурился Глеб. – Значит, что-то ты все-таки прятал. И где же это теперь?

Глеб провел ладонью по полке, быстро простучал стены, однако больше ничего интересного не обнаружил и спустился с лавки на пол.

– Подытожим, – сказал сам себе Глеб. – Либо вещь, которую Дивлян прятал, унес тот, кто его убил. Либо... – По лицу Глеба пробежала тень. – Чертовы дознаватели! – хрипло выругался он.

Покидая двор Дулея, Глеб услышал стук копыт. Перемахнув через забор, он не ушел, а присел и заглянул в щель между досками.

Во двор въехали три всадника в бронях и суконных плащах. На головах у них поблескивали шеломы, о бедра бились украшенные серебром ножны.

Это были княжи охоронцы.

– Где он? – грубо спросил рыжебородый десятник.

Дулей почтительно склонил голову, ощерил рот в подобострастной улыбке и проговорил:

– Убег. Опоздали вы, господа охоронцы. Не обессудьте.

– Не обессудьте? – Ратник сдвинул густые брови. – Знаешь ли ты, что за ложный вызов должен заплатить виру?

– Не обессудь, – снова пролепетал хозяин постоянного двора.
Десятник оглядел двор цепким, внимательным взглядом.
– Крепкое у тебя хозяйство, Дулей, – похвалил он. – Домище из цельных дубовых бревен.
А каков частокол! В четыре локтя, не меньше. Не у каждого князя частокол так же высок и крепок, как твой. Немалое богатство ты стяжал, Дулей.
Хозяин двора поклонился и робко пробормотал:
– Все трудами, господин десятник. Трудями и молитвами. – Дулей выпрямился и слащаво проговорил: – Не изволите ли перекусить с дороги?
При этих словах угрюмое выражение покинуло лица ратников.
– А что у тебя есть? – заметно оживившись, поинтересовался рыжий десятник.
Хозяин двора сдавленно улыбнулся.
– Э-э... Свинка с мочеными грибочками. А к ним – пиво.
– Пиво кто варил?
– Моя сватья.
– Это Гудониха, что ли?
Дулей улыбнулся и кивнул:
– Она.
Лицо десятника просветлело.
– Что ж, пожалуй, перекусим. Но сперва дело разрешим. За ложный вызов должен ты нам серебряный дирхем или денарий.
Единственный глаз Дулея Кривого вылез из орбиты, а бровь изумленно приподнялась.
– Кормилец, что ты! Нету у меня дирхемов! Перуном клянусь, нету!
– Нету, говоришь?
– Нету!
Десятник нахмурился:
– Плохо. Ну, ничего. Мы возьмем, что глянется.
Рыжеволосый десятник махнул рукой – двое его спутников спешили и, сунув за пояс рукавицы, молча зашагали к амбару. Холопы Дулея Кривого, переминающиеся возле амбара, при их приближении разбежались в стороны.
Дулей запричитал что-то о трудных временах, о высоких ценах на припасы, но десятник его не слушал и не перебивал. Он ждал возвращения своих людей, и вскоре они вернулись, таща большой мешок с зерном.
– Ну, вот, – удовлетворенно кивнул десятник. – Это и будет твоя вира. А теперь можно и свинки твоей отведать. Да, и прикажи своей челяди накормить наших коней. Идемте в дом, братцы! Мешок пока положите под навес – его никто не тронет!
Десятник первым двинулся к дому. Ратники, аккуратно положив мешок с зерном под навес и сверкнув на Дулея свирепыми взглядами, заспешили за своим начальником.
Дулей подождал, пока охоронцы зайдут в дом, затем воздел руки к небу и взмолился:
– Боги Перун и Велес, пошто вы меня так наказываете?
– Это потому что ты предатель и прохвост, – сказал из-за забора Глеб.
Дулей отскочил от забора и изумленно уставился на доски.
– Пе... Первоход? Ты, что ли?
– Я. И не вздумай бежать к дому или орать. Ты у меня на прицеле. Значит, ты рассказал обо мне княжым охоронцам.
– Я не хотел. Первоход, смилуйся. Меня заставили!
– Тише, не вопи, – грубо осадил его Глеб. – Знай, Дулей, что теперь у меня на тебя зуб. Выслужишься, прошу. Не послужишься, убью. Казню самой лютой смертью. Свяжу по рукам и ногам, отвезу в Гиблое место и брошу там на съеденье нечисти.
Угроза была столь страшна, что Дулей затрясся.

– Пе... Первоход, – вновь стал заикаться хозяин двора. – Не казни... Все, что прикажешь, для тебя сделаю.

– Хочешь выслужиться? – Глеб хмыкнул. – Здравая мысль. Я подумаю, как тебя использовать. А пока – ступай в дом и про меня помалкивай. Знай, в твоём доме есть холоп, которого я подкупил. Он мне все про тебя рассказывает.

– Холоп? – Дулей растерянно моргнул. – А который?

Глеб усмехнулся:

– Ты, я вижу, совсем от браги и березовицы осоловел. Ступай в дом и веди себя хорошо. Иначе сделаю из тебя упыря, а потом сам же вырву тебе сердце. Все, иди!

Дулей будто только и ждал этого приказа, он повернулся и на подгибающихся от страха ногах зашагал к дому.

Глеб перевел дух. Что ж, запугать алчного дурака Дулея оказалось совсем несложно. Нужно было только напомнить ему о Гиблом месте. Угроза подействовала безотказно. Стоит ли удивляться? Для жителя Хлыни нет страшнее беды, чем помереть в Гиблом месте и превратиться в упыря.

Глеб поднялся с корточек, сунул в рот самокрутку и зашагал по примятому, подтаявшему снежку, доставая на ходу зажигалку.

6

Княжий дознаватель Замята пил вторые сутки подряд и никак не мог напиться. Порою ему казалось, что он даже хмеля в голове не чувствует.

Был Замята высок, худ, темен и морщинист ликом, как сухое дерево. А нос имел столь длинный, что мог бы запросто облизать его языком.

Сидя у стола в одних подштанниках, он скосил глаза на кровать, где сладко посапывала во сне гулящая девка. Одеяло сползло с ее живота, обнажив срамное, и Замята подумал, что надо бы ее накрыть. Однако встать с лавки было лень.

Откуда девка взялась, Замята помнил плохо. Помнил лишь, как шел с ней от кружала в обнимку, как светила полная луна и как весело поскрипывал снег у них под валенками.

Как занимался с ней любовью – помнил плохо. Может, и вовсе не занимался?

Замята снова посмотрел на раскинувшуюся на постели девку и прислушался к себе – не откликнется ли в чреслах сладострастная истома? Не откликнулась. Во всем теле была лишь вялость. Значит, заездила его девка до полусмерти, истомила.

Что ж, это хорошо.

Замята зевнул и протянул руку за кувшином с хмельной березовицей, однако промахнулся и ухватил пальцами пустоту. Хмель все же играл в голове.

Тогда Замята решил не рисковать и не лить березовицу в кружку, а потому приложился губами прямо к кувшину. Хмельной напиток прохладной волной побежал по глотке...

Перед глазами у Замяты помутилось и поплыло. Несколько мгновений он глупо таращился на комнату, потом голова его упала в тарелку с недоеденной жареной рыбой, глаза закрылись, а из глотки вырвался прерывистый, нездоровый храп.

И приснилась Замяте река, полная хмельной березовицы. А берега у той реки были сплошь покрыты шелковистой травой, такой мягкой, что, раз улегшись на эту траву, никто бы уж не пожелал встать обратно. А на берегу водили хоровод голые девки! Их полные, сочные груди подпрыгивали в такт движениям! Замята глядел на девок сквозь ветви дерева и чувствовал томление в штанах.

Но вдруг случилось ужасное: одна из разлапистых веток ожила, потянулась к Замяте, ухватила его за шиворот и гаркнула человеческим голосом:

– Проснись, Замята! Проснись, сучий сын!

Неумолимая сила подняла Замяту кверху и хорошенько встряхнула.

Замята открыл осоловелые глаза и увидел перед собой незнакомое лицо. Худощавое, не по-здешнему загорелое, с коротко подстриженной бородой.

– Ты кто? – недоуменно спросил Замята.

– Гость, – ответил незнакомец.

– Чей? – не понял Замята.

– Твой, – последовал ответ.

– Поди прочь, – сказал Замята и снова закрыл глаза.

И снова пришел сон. Сладкий, волнующий – с голыми девками и рекой, полной березовицы. Сон был такой...

Но проклятый гость, кем бы он ни был, не дал Замяте насладиться зрелищем.

– Вставай, говорю! – гаркнул он в самое ухо.

Замята открыл глаза, хрипло вдохнул воздух и недоуменно уставился на незнакомца.

– Ты проснулся или как? – спросил тот.

– Это чего? – изумленно спросил он.

– Кадка с водой, – спокойно ответил незнакомец. – Я макнул тебя туда головой.

– Ты? Меня?

Парень кивнул:

– Да. И буду макать, пока не протрезвешь.

Внезапно Замяту охватил гнев. Вот наглец! Мало того, что приперся в чужой дом и прогнал блаженный сон, так еще и в кадку макает! Ну, мяфа!

Замята сжал кулаки.

– Ах ты, мяфа! – рявкнул он. – Да я тебя...

Замята считался отличным кулачным бойцом, но незнакомец легко увернулся от его крепкого кулака, перехватил руку и завернул ее Замяте за спину.

Замята тихонько взвыл.

– Да ты хоть знаешь, кто я?! – выкрикнул он.

– Знаю, – ответил гость.

– Я княжий дознаватель!

– Я же сказал: знаю.

– Я растяну тебя на дыбе! Сам! Вырву тебе груди калеными щипцами! А после, когда устану рвать, велю всыпать тебе десять плетей с железным охвостком!

– Да ты, брат, еще во хмелю, – с угрюмой насмешливостью проговорил незнакомец. – Ну, ничего, я тебя вылечу.

Он рывком поднял дознавателя на ноги, снова подтащил его к кадке, схватил за волосы и макнул в воду.

Замята вынырнул, вытаращил глаза и отплюнулся.

– Хватит! – взмолился он. – Прошу тебя, хватит!

– Протрезвел? – поинтересовался гость. – Или макнуть еще?

– Протрезвел! Клянусь Велесом, протрезвел!

Незнакомец швырнул Замяту на лавку и кинул ему рушник.

– Утрись.

Замята взял рушник и вытер мокрую рожу. Отложив рушник, он угрюмо посмотрел на незнакомца.

– Хорошо! – прорычал он. – Твоя взяла. Но потому лишь, что я пьян. Был бы я трезв...

Замята наткнулся на твердый, холодный взгляд незнакомца и замолк. Ему и прежде приходилось видеть такие взгляды. И ничего доброго они не предвещали.

На всякий случай Замята решил пока помалкивать. Так сказать, до выяснения. Если человек спокойно входит в горницу к князьему дознавателю и макает его головой в чан с водой, значит, может иметь на то полное право.

Почувствовав холод, Замята снова взял рушник и вытер шею и голую, мокрую, волосатую грудь.

Пока он вытирался, незнакомец достал из кармана берестяную коробку, вынул из нее что-то и сунул в рот. Затем щелкнул огнивом, почмокал губами и выпустил изо рта клуб дыма.

Дым... Дымящийся сучок... Бутовая трава...

Что-то забрезжило на самой изнанке сознания Замяты. Кто-то ему уже про такое рассказывал. Дескать, есть в Хлыни один ходок, который дымит бутовым сучком и... И что?.. Замята сдвинул брови и наморщил лоб... Нет, не вспомнить.

Он тряхнул головой и поднял взгляд на незнакомца.

– Слышь, гость, ты кто ж такой будешь? – глухо и осторожно спросил он.

– Меня зовут Глеб, – спокойно ответил тот. – Глеб Первоход.

– Перво... – Замята оцепенел, во все глаза уставившись на гостя. – Вот лешье вымя! Так ты тот самый Первоход, которого вышвырнули из князьего града?

Глеб кивнул. Затем усмехнулся и сказал:

– Хорошая, я вижу, по мне осталась память. А про то, что я спас князя Егру и его вояк от нелюдей и войска Голяди, ты не слышал?

– Что-то такое говорили... – проямлил Замята, настороженно глядя на то, как сжимаются кулаки гостя. – Да я, признаться, не запомнил. Слаб я памятью, Первоход. Уж не обессудь.

Кулаки гостя разжались, и Замята незаметно перевел дух – слава Сварогу. Гость был явно сильнее, чем выглядел, и при желании мог легко пересчитать Замяте зубы.

– Пока тебя не было в Хлыни, тут многое переменилось, – произнес Замята примирительным голосом.

Первоход кивнул.

– Знаю.

– В Гиблое место никто не ходит, – продолжил Замята. – И твоему договору с князем пришел конец. Ты уже не можешь просто так махать кулаками, Первоход. Если князь дознается, что ты вернулся, тебя схватят и бросят в подземелье. На вечные муки.

– Все сказал? – Первоход прищурил недобрые глаза. – Во-первых, князь ничего не знает. А во-вторых: плевать я хотел на твоего князя.

Глеб сел на лавку, посмотрел на голую девку, храпящую на перине, нахмурился и отвернулся. Затем снова взглянул на Замяту и сказал:

– Мне нужна твоя помощь, дознаватель.

– Помощь? – Замята облизнул губы. – Что ж... Отчего ж не помочь хорошему человеку. Но прежде чем просить меня о помощи, помоги мне сам. Будь добр, подай со стола кувшин.

Первоход взглянул на кувшин и насмешливо поинтересовался:

– А не хватит тебе, дознаватель?

– Не бойся, Первоход, я свою меру знаю.

Глеб покачал головой, взял со стола кувшин и вручил дознавателю.

Замята хлебнул березовицы, подождал, пока она скатится по глотке в живот, и облегченно вздохнул. Жизнь, кажется, налаживалась. Суровый гость явно не собирался убивать его, и даже больше – был заинтересован в дружбе.

Замята приосанился, взглянул на Первохода прямым взглядом и спросил:

– Так о какой помощи ты хотел говорить, Первоход? И как мне за нее отплатишь?

– Отплатчу серебром, – сказал гость.

Замята поскреб пальцами волосатую мускулистую грудь и прищурился:

– И чего же ты от меня хочешь?

– Неделю назад в доме Дулея Кривого убили ходока Дивляна. Ты проводил дознание?

– Ну, я, – неохотно ответил Замята и слегка поежился. – Роба у этого парня была – не приведи Белобог увидеть снова!

– Ты проводил дознание, – повторил Первоход. – Что тебе удалось узнать?

В Замяте вдруг проснулся дух сопротивления. Он скосил глаза на меч, лежащий на лавке в углу горницы, приосанился и с вызовом проговорил:

– А с какой стати я должен тебе рассказывать?

Гость, не говоря ни слова, достал из кармана серебряную резанку, положил ее на стол и швырнул щелчком пальца к Замяте. Замята ловко поймал резанку и сунул ее подхудосочный зад.

– Вообще-то я не должен тебе ничего рассказывать, – сказал он, прищурив глаза. – Но так и быть. Дивлян сидел на полу, у окна. Роба и тулово у него иссохлись. А глаза такие... – Замята сам вытаращил глаза и передернул плечами. – Будто пред тем, как кончиться, увидел лешего и его лешиху, да от страха и помер!

– Значит, он чего-то испугался?

Замята хмыкнул и угрюмо обронил:

– Испугался? Да не дай Белобог увидеть то, что увидел перед смертью Дивлян.

Глеб потер пальцами щеку.

– Дивлян был ходоком, – задумчиво проговорил он. – А напугать ходока – это надо здорово постараться. Скажи-ка, дознаватель, вещи в комнате были целы?

Замята небрежно махнул рукой:

– Да какие там вещи. Пустой мешок да соломы клочок.

– Все было на местах, ничего не перевернуто и не сломано?

– Да нет... – Замята снова потянулся за кувшином, но гость накрыл кувшин ладонью и сурово проговорил:

– После выпьешь. Говори дальше.

– Да чего говорить-то? – воскликнул с досадой Замята.

– Были там какие-нибудь странности?

Замята усмехнулся:

– Кроме того, что Дивлян весь иссохся?

– Да, кроме этого.

– Ну... Кой-какие были.

Глаза Глеба блеснули:

– Какие?

Замята вздохнул и, поморщившись, проговорил:

– Да рот у твоего Дивляна был весь изгажен.

– Это как? – не понял Глеб.

– Да так. На губах какая-то пакость, навроде черной слизи. А рот и глотка – пропеченные, будто он перед смертью горячих углей наглотался.

– Гм... – Глеб сдвинул брови и побарабанил пальцами по столу. Затем бросил на дознавателя быстрый взгляд из-под насупленных бровей и коротко спросил: – Дивляна не вскрывали?

– Чего? – не понял Замята.

– Живот ему не взрезывали?

Дознаватель недоуменно захлопал глазами.

– Это зачем же?

– Ты сам говорил про горячие угли. Может, его и впрямь пытали?

Замята прищурил глаза:

– Чудной ты, Первоход. Я еще не спятил, чтоб покойников потрошить.

Глеб досадливо поморщился.

– Ладно, забудь. А что насчет ран, синяков и царапин?

– Насчет синяков? – Дознаватель на секунду задумался, потом покачал головой и сказал:

– Нет, ничего такого не было.

– Уверен?

– К гадалке не ходи.

Глеб кивнул, похмурил немного лоб, размышляя, и продолжил допрос:

– Ответь мне на другой вопрос: зачем Дивлян ходил в Гиблое место?

Замята пожал плечами:

– Кто ж его знает. Он мне не докладывал.

– Но слухи-то ведь какие-то ходили? Может, купцы в кружале что-нибудь рассказывали?

Лицо Замяты помрачнело.

– Ничего не знаю, – отрезал он. – Пойди да расспроси самого Баву Прибытка.

– А ты сам не спрашивал?

Замята ухмыльнулся.

– Его расспросишь. Мне, слышь, пока жить-то не надоело. У Бавы Прибытка охоронцы – сплошь степняки да горцы. Срежут голову с плеч и прозвище не спросят.

Глеб приподнял от удивления брови.

– Что я слышу? Княжий дознаватель боится людишек купца?

– «Людишек», – с горечью повторил Замята. – Бава своим «людишкам» платит серебром, а не медью. За такой куш дикари будут сражаться, даже если разрубишь их на куски.

– А как же князь допускает?

Замята невесело усмехнулся.

– Не допустишь тут. Князь Егра еще не оправился после войны с Голядью. Казна пуста, и расти ей не с чего – бурю пыль в Гиблом месте больше не добывают. Дружинники на князя косятся, за спиной его шепчутся. Того гляди, Бава их всех с потрохами купит и себе служить заставит.

– Но ведь у Бавы, я слышал, тоже дела идут неважно.

– Ну, это как сказать. Секрет водки, что ты ему продал, он по-прежнему при себе держит. Да и срамные дома прибыль дают. – Замята покачал головой: – Не-ет, Бава – купец тертый, его так просто не спихнешь.

Глеб долго молчал, то ли обдумывая слова Замяты, то ли о чем-то размышляя. Замята подождал-подождал, да и изрек:

– Хочешь знать, что я думаю? Отравился твой Дивлян. Гадости какой-то наглотался и весь на понос изошел. Потому и выглядел так.

Глеб покосился на дознавателя, но ничего не сказал.

– Ты уж мне поверь, – продолжил с самодовольной ухмылкой Замята. – Я в этом деле собаку съел.

– Может, и съел, – задумчиво проговорил Глеб. – Но мнится мне, что тут было зверье другой породы.

Воспользовавшись задумчивостью гостя, Замята сгреб со стола кувшин и хорошенько к нему приложился. Затем вытер мокрый рот костлявыми пальцами и посоветовал:

– Не забивай себе голову, Первоход. У тебя и без Дивляна проблем много. Слушай-ка, а правду говорят, что ты упырей и оборотней голыми руками ловил?

Глеб, все еще о чем-то размышляя, покачал головой.

– Нет. Упыри и оборотни – не свора бродячих шавок, их голыми руками не поймашь.

– А что двуглавого пса Драглака в поединке одолел?

Глеб кивнул:

– Это было.

Замята улыбнулся, внезапно почувствовал к гостю симпатию.

– Знатным ты был ходоком, Первоход, – сказал он. – Жаль, что теперь в Гиблое место никто не ходит. Купцы сказывали, что Бава Прибыток сталкивал темных тварей лбами и брал за сие зрелище звонкую монету. Вот бы посмотреть!

– А ты не видел?

Замята покачал головой:

– Нет. Я в Хлынь как раз после тумана приехал. Ходоки уже в Гиблое место не хаживали и нечисть не ловили. – Дознаватель вздохнул: – Они и теперь туда носа не суют. Говорят, после тумана Гиблое место не то, что прежде, и нечисть там иная. И откуда он только взялся, этот туман?

Глеб откинул с лица прядь волос и сказал, глядя дознавателю в глаза:

– А теперь давай поговорим о том, что ты нашел в комнате Дивляна.

– Что? – Замята прищурился. – О чем ты?

– О том, что Дивлян хранил в стене. Под самым потолком.

Лицо дознавателя дернулось, словно по нему пробежала судорога.

– Дурак ты, Первоход, – в сердцах проговорил он. – Нешто ты думаешь, что я тут главный?

– А кто главный?

– Дед Пихто! И резанки те, что Дивлян в стену спрятал, я не себе присвоил!

Глеб прищурил темные глаза:

– Так там были серебряные резанки?

– А ты думал – золотые солиды? – По губам Замяты скользнула горестная усмешка. – Кабы в кувшине было золото, я бы тут с тобой не сидел. И вообще бы нигде не сидел. Ради такого богатства и дознавателю свернут шею.

– Неужто твой начальник так суров и жаден?

Замята нахмурился и процедил сквозь зубы:

– Следи за тем, что говоришь, ходок.

Несколько секунд они глядели друг другу в глаза, затем Глеб кивнул и сказал примирительным голосом:

– Хорошо. Я забуду про резанки. Но скажи хоть, сколько их там было?

Замята отвел взгляд и ответил:

– Много. Почти четверть пуда.

Глеб присвистнул:

– Ого! Откуда ж у Дивляна такие деньжищи?

– Не знаю. Но честным трудом такого богатства за всю жизнь не заработаешь.

– А чем Дивлян зарабатывал себе на жизнь?

– Работал на пристани. Выгружал товар с ладей.

– Это одной-то рукой? Не смеши меня.

– Я и не пытаюсь. Дивлян был однорук, но ухватист. Да и жалели его купцы. Все знали про его сестер.

Глеб прищурил темные глаза и усмехнулся.

– Никогда прежде не видел жалостливого купца. Под чьим началом он работал?

– Под началом приказчика Перипяты.

– Как мне его узнать?

– Узнаешь сразу. Как только увидишь горбуна, иди к нему. Это и будет приказчик Перипяты.

Первоход поднялся с лавки.

– Не говори никому, что я в городе, – глухо сказал он. – Пока молчишь, буду приносить тебе каждые три дня по серебряному дирхему.

Замята ухмыльнулся.

– Смотри не опоздай. Новая княжья мучительница Ядвига будет рада поджарить тебе хвост. Видел бы ты, как эта баба управляется с дыбой – любо-дорого посмотреть!

– Не слишком-то веселись, – посоветовал Глеб глухим, рокоchущим голосом, от которого по коже Замяты прошел мороз. – И завязывай с выпивкой.

– Чего это? – удивленно отозвался дознаватель.

– Во хмелю ты слишком болтлив. А это опасно. Бывай!

Глеб повернулся и вышел из комнаты.

7

Солнце закатилось за горизонт, отдавая город ранним сумеркам. А на пристани все еще кипела работа.

– Эй, дядька Елдын! – задорно прокричал молодой голос. – Дашь свою Елдыниху за титьку подержать?

– Я бы дал, да куда тебе! – ответил пожилой. – Мал, как сверчок!

– Уж ты большой. Пудовик!

Мужики захохотали, но кто-то грубо прикрикнул на них, и хохот смолк.

Глеб вынул изо рта окурок бутовой сигареты и щелчком пальца запустил его в черную воду реки.

– Эй, друг! – окликнули его сзади. – Ты чего тут позабыл?

Глеб обернулся и увидел огромного мужика, шагающего к нему по черному, подтаявшему снежку.

– Мне бы повидать приказчика Перипяту, – сказал Глеб. – Он здесь?

– Перипяту? – Мужик остановился и спокойно и неторопливо оглядел Глеба с ног до головы: – А на кой тебе наш Перипята?

Глеб дружелюбно улыбнулся:

– Хочу испросить работу.

– Для кого?

– Для себя.

Верзила осклабился и покачал головой.

– Не похож ты на грузчика, паря. Ты ведь охотник-промысловик?

– А ты как догадался?

– Вашего брата сразу видать. Даже когда оружия не носите. Вы на человека смотрите, будто из лука целитесь или обдумываете, как бы его к капкану и ловушке вернее подогнать.

Глеб засмеялся:

– Раскусил ты меня, брат! Только нынче и у промысловиков нелегкое житье. Хоть зубы на полку клади.

– Да уж, – усмехнулся грузчик. – От хорошего житья жилы надрывать не станешь. Тем паче – на пристани. Нет тяжелей работы, чем здесь.

– Но платят-то хоть хорошо?

– Хорошо, – согласился детина. – Но мало.

Глеб усмехнулся, покивал. Затем сказал:

– Знаешь, у меня тут дружок работал. Может, слышал – Дивляном звался.

– Дивляном? – Детина прищурил раскосые глаза. – Знал я одного Дивляна. Но уж лучше бы не знал.

– Отчего же так?

Верзила открыл рот, чтобы ответить, но тут из-за коробов вышел горбатый мужик в затасканном шушуне и с длинными, словно у паука, ручищами.

– Квасура, сучий сын! – гаркнул он. – А ты какого лешего тут лясы точишь? А ну, топай к сходням!

– Охолони, Перипята, – басовито парировал детина. – Тут вон про тебя спрашивают.

Горбун повернул массивную голову и воззрился на Глеба.

– Это ты, что ли, про меня спрашиваешь? – грубо спросил он.

– Я, – ответил Глеб.

– И зачем я тебе понадобился?

– Разговор есть.

Горбун прищурился:

– Какой еще разговор?

– Интимный. С глазу на глаз.

Приказчик сверкнул на детину глазами.

– А ты чего уши развесил? Топай немедля к сходням или оставлю без хлеба!

Детина пробурчал что-то себе под нос, развернулся и неохотно побрел к деревянным сходням, по которым сновали туда-сюда с мешками и деревянными коробами на спинах мужики-грузчики.

Горбун снова взглянул на Глеба. Взгляд у него был тяжелый и недобрый, а сами глаза сидели так глубоко, что их было почти не видеть под нависшими мохнатыми бровями.

– Ну? – грубо спросил приказчик. – И чего тебе от меня надо?

Глеб окинул приказчика быстрым, внимательным взглядом и ответил:

– Поговорить.

– Ну, говори.

– Под твоим началом работал мой друг. Звался Дивлян. Грузы таскал одной рукой, потому что другой не было, а две седмицы назад взял да и помер.

Приказчик посмотрел на Глеба недоверчивым взглядом.

– Так говоришь, Дивлян помер?

Глеб кивнул:

– Угу.

Приказчик Перипята поскреб пятерней в затылке и рассеянно проговорил:

– Вот те на.

– А ты не знал?

Голова горбуна качнулась.

– Нет. Отчего ж он помер?

Глеб прищурил глаза и ответил:

– От смерти.

Перипята усмехнулся, смерил Глеба недобрый взглядом и сказал:

– А ты, я вижу, шутник. Но у меня нет времени на шутки. Так что, если ты пришел, чтобы...

– Вот. – Глеб протянул приказчику серебряную резанку. – Это тебе. Теперь ты знаешь, как дорого я ценю твое время и твои слова.

Приказчик взял резанку, неуверенно на нее посмотрел, затем перевел взгляд на Глеба и заявил:

– Да ты богач.

– Не бедняк, это точно, – отозвался Глеб. – А теперь мы поговорим. Сколько Дивлян у тебя зарабатывал?

– По полмедяка в день. Но работал он лишь по два дня в седмицу.

– Почему так мало?

Горбун усмехнулся:

– «Мало». Я и эти-то два дня кое-как для него выпросил. Он ведь безрукий калека. Кому такой нужен?

Глеб прищурил темные глаза и спросил:

– И как он работал?

– Упорно. Брал мешки да коробки и тащил, куда прикажут. Крепкий был парень, да одной рукой работать несподручно. Бывало, что и в воду коробки ронял.

– Он тут с кем-нибудь дружил?

Приказчик покачал головой:

– Нет. Угрюм был и неразговорчив. С такими никто не дружит.

- Значит, держался особняком?
- Точно, – кивнул Перипята. Он сдвинул косматые, паучьи брови и протянул резанку Глебу. – Держи свое серебро, парень. Сам видишь: мне нечего тебе рассказать.
- Погоди возвращать, – остановил его Глеб. – Лучше напряги память. С мужчинами Дивлян не дружил, это я понял. А как насчет девок? Девка-то у него была?
- Приказчик задумчиво наморщил лоб.
- Девка?.. Гм... А ведь ты прав. Была у него девка.
- Кто такая? – быстро спросил Глеб.
- Да у нас в учетном доме работала. Тут же – на пристани.
- И чем она тут занималась?
- Учет грузам вела.
- Это как?
- Просто. Кресты и палки на учетных досках нацарапывала.
- Она сейчас здесь?
- Приказчик покачал головой:
- Нет. С утра не вышла на работу. Видать, ушла в загул.
- Стало быть, она гулящая?
- Перипята усмехнулся, стрельнув на Глеба паучьими глазками.
- Стало быть, так.
- Гм... И что же, никто не беспокоился ее отсутствием? Никто за ней не ходил?
- А чего за ней ходить? Нынче времена тяжелые, люди за работу зубами держатся. Не хочет – не надо. Молчан, это наш набольший, еще в полдень ей замену нашел и богам чашу молока в дар отдал. Истомила она его совсем.
- Чем же?
- Приказчик ухмыльнулся и объяснил:
- Девка красивая, но шальная и болтливая. Молчан раз пять ее выгнать собирался, да где там. Придет она к нему, посмотрит своими глазищами, проворкует сладким голоском ласковые словечки, у Молчана руки и опускаются. Но теперь все. Даже если назад вернется, место ее уже занято.
- Ясное дело, – кивнул Глеб. – Скажи-ка, ты знаешь, где она живет?
- Под Скуфьей горой.
- Одна?
- С теткой. Если пойдешь к ней, передай, чтобы носа сюда больше не казала. Сунется, своими клешнями нос ей отстригу. Ладно, заболтался я тут с тобой. Резанку-то свою обратно возьмишь?
- Нет. Она твоя.
- Ну, как знаешь.
- Приказчик повернулся и зашагал к сходням.
- Эй, Перипята! – окликнул его Глеб. – А зовут-то ее как?
- Горбун обернулся.
- Кого?
- Вашу учетчицу.
- Зовут? Да по-разному. Кто Веданой, а кто Веданкой. А есть такие, что Ведушкой. Только смотри, парень, не поведись на ее чары. Удачи!
- И снежок снова заскрипел под башмаками горбатого приказчика.

8

На столе, подрагивая, горела свеча. В печи уютно трещали сосновые поленья. В носу у Веданы зашекетало. Она чихнула и высморкалась в измятый платок.

– Ох, тетя Ирица, – горестно проговорила она большим голосом, – и худо же мне.

Ведана сидела в постели, подложив под спину подушку и натянув одеяло до пояса. Одеяла она была в белую рубашку из тонкой ткани, подаренную ей одним из богатых ухажеров.

– Тетка Ирица! – снова окликнула Ведана.

– Чего тебе, деточка, – отозвалась старушка, не отводя глаз от мелькающих в ее морщинистых пальцах вязальных спиц.

– А твой муж, дядька Пакомил, был хороший?

– Да, деточка. Хороший.

– Ты его любила?

– Было время, что любила. А потом привыкла. Да и какая уж любовь в наши-то годы.

Ведана усмехнулась и опять чихнула. Высморкалась в платок и заговорила снова:

– А ты скучаешь по нему?

– По кому? – не поняла старушка.

– По дядьке Пакомилу.

– А то как же. – Тетка Ирица вздохнула и поправила на голове платок. – Много я от него дурного видела, но и хорошее было.

– Сегодня девять дней, как он помер, – сказала Ведана. – А мне одна товарка с пристани говорила, что на девятый день покойники приходят проститься с родными. Только мы их не видим. Как думаешь, правда?

– Кто ж его знает. Может, и приходят. Нам то неведомо.

Ветер за окном усилился. Ведана посмотрела на темное окно и непроизвольно натянула одеяло до подбородка.

– Я бы не хотела, чтобы дядька Пакомил пришел к нам, – тихо сказала она. – Не люблю мертвых.

Тетка Ирица спустила со спиц несколько петель и принялась заново вязать рядок.

– Дядька Пакомил был добрый мужик, – сказала она. – Беспутный, но добрый. Он за всю жизнь никому не сделал зла.

– Это пока он был живой, – возразила Ведана. – Но кто знает, каким он стал после смерти.

Тетка вздохнула.

– Болтаешь ты много, милая, – тихо проговорила она.

– Болтаю? А вот и нет. Да и не был он добрым. Порой так на меня смотрел, что мне не по себе делалось.

– О чем это ты? – не отрывая взгляда от спиц, спросила тетка Ирица.

– О чем, о чем, – проворчала Ведана, нахмурившись. – А то сама не знаешь. Мужики не могут на меня просто так смотреть. Вот и дядька Пакомил не мог.

– Болтаешь ты много, – снова повторила тетка Ирица равнодушным голосом.

– А вот и нет! Один раз, когда пьяный из кружала вернулся, встал у моего окна, постучал камушком и позвал тихим голосом: «Ведана, отомкни мне дверцу».

– А ты чего?

– Я? Да ничего. Сказала ему, чтобы шел спать, а то тебя кликну. Он вздохнул и ушел.

– И все?

– И все.

Тетка Ирица принялась за новый рядок, а Ведана уставилась на темный квадратик окна.

– А если он сейчас смотрит на нас в окно? – сказала она вдруг.

– Кто? – снова не поняла тетка Ирица.

– Да твой муж, дядька Пакомил.

Тетка Ирица оторвала взгляд от вязания и взглянула на окно. На какое-то мгновение ей и впрямь показалось, что чье-то бледное, темноглазое лицо приникло к окошку и тут же снова отпрянуло, растворившись в темных сумерках.

Старуха невольно прочертила в воздухе пальцем маленький охоронный знак.

– Ох, девка, – вздохнула она, – запугала ты меня совсем своей болтовней. Недоброе мерещится. Ты спи. Хорошо поспишь, завтра здоровой проснешься. Спи, а я еще немного подле тебя посижу.

Во дворе на кого-то залаяла собака. И вдруг лай оборвался, и снова наступила тишина.

– Что это там был за шум? – спросила Ведана тревожным голосом.

– Не знаю, – отозвалась старуха. – Брешет пес, а на кого – сам не знает. Ты спи, спи.

Ведана еще немного посидела, думая о своем, потом зевнула и улеглась поудобнее. Ей показалось, что она продремала всего миг, но когда она вновь открыла глаза, тетки Ирицы рядом не было. Вязание ее лежало на комодке.

– Тетка Ирица! – позвала Ведана.

Ответа не последовало. Лишь ветер гудел в оконных щелях. И вдруг что-то тихо цокнуло. Ведана вздрогнула и уставилась на окно.

– Ведана... – позвал чей-то тихий, скрипучий голос.

– Что? – Девка сжала в пальцах край одеяла и испуганно спросила: – Кто это меня зовет?

– Отомкни... – вновь проскрипел голос. – Отомкни мне дверь...

Ведана задрожала и зажмурила глаза.

– Это просто ветер, – хрипло прошептала она. – Матушка обережица, спаси твою непутевую дочку, отведи темный сглаз да дурной навет.

Она открыла глаза и уставилась на окно. Все было тихо и покойно, никаких теней, никаких шорохов. Постепенно Ведана успокоилась.

– Померещится же, – с легкой досадой прошептала она.

За шторкой, отделяющей угол Веданы от горницы, тихонько скрипнула дверь. Ведана улыбнулась и позвала:

– Тетка Ирица, это ты?

Но никто не отозвался. Ведана нахмурилась. Ей снова стало не по себе. Почти не сознавая, что делает, девка протянула руку к комоду и взяла ножик, которым днем лущила орехи.

Вдруг по комнате прошелестел холодный сквозняк, и свеча, горящая на столе, потухла. Комната погрузилась во мрак.

– Тетка Ирица, – дрогнувшим голосом позвала Ведана.

Во мраке колыхнулась занавеска, и чьи-то тихие, почти неслышные шаги зашаркали по полу.

Ведана закричала. Однако с губ ее не сорвалось ни звука, крик рванулся обратно и канул во тьме ее души, словно камень в глубоком, бездонном колодце.

Дрожая всем телом, Ведана протянула руку к столу и нашарила бронзовое огниво, подаренное одним смазливим купчиком. Попыталась выщелкнуть огонь. С первого раза у нее не получилось. Со второго между пластинами пробежала искра, и крохотный пучок сухого сена, воткнутый в щель огнива, полыхнул огнем.

Ведана зажгла свечу и положила огниво на стол. Затем повернулась к шторке, ожидая увидеть перед собой тетку Ирицу, и – окаменела.

Тетка Ирица и впрямь стояла у ее кровати. Голая, простоволосая, бледная, с обвислыми, морщинистыми грудями и испачканным грязью ртом. Все ее тело было покрыто сгустками черной жидковатой грязи, будто она только что выбралась из выгребной ямы.

Но то, что стояло рядом с теткой Ирицей, было во сто крат страшнее. Это был высокий, худой старик, одетый в сермяжный кафтан, сутулый, с бледными губами и недобрым взглядом.

– Дядька Пакомил... – выдохнула Ведана севшим от ужаса голосом.

При звуках своего имени старик вздрогнул, будто вышел из сна, медленно поднял взгляд и уставился на Ведану. Губы его медленно расползлись в улыбке.

– Ведана... – проговорил он странным, сиплым голосом.

Ужас перехватил Ведане горло. Она судорожно махнула ножиком, но мертвец поймал ее запястье и сжал его холодными пальцами. Чувствуя, что сердце вот-вот вырвется из груди, Ведана отвернулась, чтобы не видеть мертвеца, но он схватил ее ледяными пальцами за подбородок и стал медленно и неумолимо поворачивать ее голову к себе, чтобы Ведана взглянула в его мертвое, темное лицо.

Черное облако вытекло у него изо рта и, извиваясь, как червь, устремилось к Ведане.

9

Сумерки сгустились. Небо потемнело, а воздух стал синим и словно подернулся полупрозрачной дымкой.

Во дворе ветхой избы, у тлеющего костерка, сидела на бревне баба и грела над огнем руки. Баба была так густо замотана и закутана в тряпки и телогрейки, что понять, толста она или худа, не было никакой возможности. Лица ее тоже было не видать из-за надвинутого на глаза платка. Намотанная на шею тряпка скрывала ее подбородок и нос.

Баба явно замерзла, даже на расстоянии Глеб почувствовал, как дрожит под телогрейками и тряпками ее озябшее тело.

– Эй, мать! – негромко окликнул ее Глеб. – Тут ли Ведана живет?

Баба подняла взгляд на Глеба, оглядела его с ног до головы и ответила старческим, но странным, скрипучим голосом:

– Тут. А ты кто ж будешь? Ухажер?

– Что-то вроде этого, – усмехнулся Глеб. – Дома она сейчас?

– Не знаю. Давно ее не видела. А ты взойди на крыльцо да постучи. Может, и откроет.

Глеб взойшел на крыльцо, остановился у двери и прислушался. На душе у него отчего-то было тревожно.

– Чего встал-то? – басовито окликнула баба. – Иди к своей зазнобе, ходок.

Глеб поднял руку для стука, но вдруг замер. Обернулся к старухе и спросил:

– А ты откуда знаешь, что я ходок?

Несколько секунд старуха сидела молча, потом вдруг вскочила с бревна и опрометью бросилась к забору. Мгновение Глеб думал, что делать – кинуться за ней вдогонку или войти в дом.

Этого мгновения странной бабе хватило, чтобы добежать до забора и ловко перемахнуть через него.

Когда Глеб подбежал к забору и выглянул наружу, улица уже была пуста. Глеб нахмурился. Что за странная старуха? Вероятно, переодетый княжий доносчик. Их теперь, поговаривают, в городе больше, чем торговцев.

– Что же тут происходит? – тихо пробормотал Глеб, поежившись от неприятного предчувствия.

Он взглянул на избу. Изба стояла как стояла, света в окнах не было, из трубы тоненькой струйкой вился дымок.

Ладно, черт с ней, с этой старухой.

Взойдя на крыльцо, Глеб переложил берестяной факелок, купленный полчаса назад на торжке, в левую руку, а правой осторожно постучал в дверь. Потом негромко окликнул:

– Ведана!

Никто не отозвался.

Глеб снова постучал – на этот раз громче и снова позвал:

– Ведана, открой! Открой, я от Дивляна!

Но и на этот раз ответа не последовало. Тогда Глеб отошел на шаг от двери и с размаху ударил по ней ногой. Дубовый засов вылетел, и ветхая дверь распахнулась.

Глеб шагнул внутрь избы. В лицо ему тут же пахнуло странным запахом.

– Ведана! – снова окликнул он. – Не бойся! Я пришел, чтобы поговорить о Дивляне!

Ответа не последовало. Глеб достал из кармана зажигалку и запалил факел. Яркий язык пламени осветил крохотные сени. Глеб миновал сени, вошел в горницу и остановился на пороге.

На полу валялась сорванная с веревки занавеска. За занавеской стояла кровать. Ведана лежала на кровати лицом кверху, раскинув руки и ноги. Тело ее, одетое в белую ночную рубашку, высохло так, что напоминало завернутые в желтоватый пергамент кости. Одеядло было откинута, а подол рубашки задран девке до пояса.

Но страшнее всего было лицо. Щеки запали, нос заострился, а глаза вывалились из орбит. Эти распахнутые глаза смотрели на Глеба с таким невыразимым ужасом, что по спине его пробежала ледяная волна, и он обернулся, опасаясь, что тайный враг – кем бы он ни был – стоит у него за спиной.

Однако сзади никого не было.

Глеб вновь повернулся к девке, поборол приступ тошноты и шагнул к кровати, чтобы разглядеть тело внимательнее. Он хотел зажать нос, но понял, что это не понадобится. Несмотря на ужасный вид, тело Веданы не смердело. От него исходил запах сухих трав, и Глебу этот запах показался странно и жутковато знакомым.

Он склонился над Веданой и осветил ее лицо. Губы девки были вымазаны какой-то черной дрянью, похожей на слизь.

Глеб протянул руку к ее рту и осторожно раздвинул губы. Зубы Веданы покрывал бурый налет, десны почернели и выглядели так, словно обуглились.

Запах сухой травы, исходивший от высохшего тела, вблизи казался еще гуще и насыщенней. И вдруг сердце Глеба судорожно дернулось в груди, а кулаки сжались сами собой – он узнал этот запах. Это был запах Гиблого места.

Немного поразмыслив, Глеб решил осмотреть дом, пока за окном не стемнело. А решив – тут же взялся за дело.

Однако обыск ничего не дал. Переворотив всю избу, Глеб не нашел ни тайников, ни кубышек с серебром.

Перед тем как уйти, Глеб снова подошел к топчану и снова осмотрел иссохшееся тело девушки, старательно обходя взглядом ее вытаращенные, остекленевшие глаза.

Глеб обнаружил, что ногти на ее пальцах сломаны, а некоторые – содраны. Очевидно, она пыталась защитить себя. Чуть пониже левой груди темнел синяк, и Глеб почти не сомневался, что ребро у девушки в этом месте сломано.

Опустив взгляд еще ниже, Глеб содрогнулся. Он понял, что перед тем, как прикончить Ведану, убийца изнасиловал ее. Сероватые, не слишком свежие простыни были испачканы пятнами крови. Кровь была и на бедрах Веданы, а ее промежность была разорвана.

Резкий порыв ветра сотряс окошко. По комнате пробежал сквозняк, и факел в руке Глеба потух.

– Твою мать... – тихо выругался Глеб и полез в карман за зажигалкой.

И вдруг Глеб ясно ощутил, что он в этой комнате не один. Стоило ему это почувствовать, и страх – как приступ паники – тут же ворвался в его душу, подкатил к горлу комом, заставив Глеба шумно и хрипло задыхаться.

Что-то стремительно и бесшумно надвигалось на него во мраке. Сжав зубы, чтобы унять охватившую тело дрожь, и положившись на свои инстинкты, Глеб выхватил меч и рубанул тьму перед собой.

Меч его с чавканьем воткнулся во что-то мягкое и вязкое. Рукоять меча сильно дернулась и выскользнула у Глеба из пальцев. И тут же кто-то навалился на Глеба и сбил его с ног.

Холодные пальцы сдавили Глебу шею, а лицо его обдало гнилостным старческим дыханием. Глеб пробовал отбиться и вырваться, но все было бесполезно. Пальцы противника все крепче сжимали его шею.

– Нет... – в ужасе прохрипел Глеб. – О, боги... Нет...

Задыхаясь и почти теряя сознание, Глеб зашарил рукой по полу, надеясь найти меч. Пальцы его наткнулись на выпавшую из кармана зажигалку. Глеб схватил зажигалку и судорожным движением выщелкнул пламя.

Язычок огня взвился вверх, озарив комнату тусклым, подрагивающим, рыжеватым светом. И в то же мгновение холодные пальцы выпустили шею Глеба. Скосив глаза, он успел заметить, как темная тень отпрянула от него и быстро переместилась к двери.

Хлопнула входная дверь, по комнате вновь пробежал ледяной сквозняк, заставив Глеба заслонить зажигалку ладонью. Затем все стихло.

Глеб сел на полу и закашлялся, морщась от боли в распухшем горле. Затем взял факел и зажег его. При свете факела он поднял с пола меч и крепко сжал его в руке.

Он не чувствовал досады из-за того, что упустил убийцу, который почти был у него в руках. Он чувствовал облегчение и радость от того, что остался жив.

Взгляд Глеба упал на большое черное пятно на полу, метрах в полтора от него. Приглядевшись, он увидел, что это не просто пятно, а ошметки черной пены. Ошметки эти с тихим чавкающим звуком таяли прямо у него на глазах, стремительно впитываясь в щели между половицами.

Глеб облизнул пересохшие от страха губы и хрипло пробормотал:

– Пора отсюда убираться.

Затем тяжело поднялся на ноги и, держа факел в одной руке, а меч в другой, зашагал к двери, уверенный, что увиденного и испытанного им в этом доме хватит на дюжину кошмарных снов.

10

Следующий день выдался солнечным. Глеб, остановившийся на постой в доме старого приятеля, проспал почти до полудня. Поднялся он с тяжелой головой и, бормоча под нос проклятия браге, олусу и хмельному сбитню, сунул ноги в поношенные ичиги.

Умылся из бадьи ледяной водой. Почистил деревянной жеваной щеточкой зубы. Затем неторопливо оделся. Кожаные штаны, рубаха, шерстяная поддевка, короткая меховая куртка, благодаря которой многие принимали его за охотника-промысловика... Сверху широкий пояс, а на нем – ножны с мечом. В заплечной кобуре – ольстра.

Довершили дело длинный суконный плащ с капюшоном, который Глеб скрепил на плече массивной медной пряжкой, и охотничья кожаная шапка.

Выйдя на улицу, Глеб набросил на голову капюшон и зашагал по дороге к торжку, весело поскрипывая утоптанном снегом. В животе урчало от голода. Вот и торжок.

Возле крайней лавки мужик в каком-то странном ватнике пытался развернуть телегу, дергая лошадку за узду. Сбруя на лошадке была гнилая – одни узлы. Видать, дела у торгового человека шли плохо.

Впрочем, были здесь и успешные торговцы. И кони у них были сытые, и сани да телеги справные. Кое-где у ворот и дверей стояли, дожидаясь хозяев, запряженные розвальни да роскошные сани с расписными задками.

На торжке Глеб сразу двинулся к лавкам с едой.

– Гляди, какой красавчик! – услышал он веселый бабий голосок. – Эй, господин хороший да пригожий, купи баранок!

Глеб повернулся и зашагал к девкам, закутанным в цветастые платки и весело щурящимся на солнце. Остановился возле одной, с лотком, на котором красовались леденцы и свежее печиво.

– Откуда ты такой красивый да ладный взялся? – поинтересовалась, лукаво улыбаясь, девка. – Не видела я тебя тут раньше.

– Я не здешний, – ответил Глеб, оглядывая лоток.

– Откуда ж ты?

– Из Поморских земель.

– Эй, Милана! – окликнула девку подружка, продававшая пирожки. – Поделись красавцем!

– Сама себе ищи! – весело ответила Милана.

– Где ж таких найдешь? Красавцы стадами по улицам не ходят!

Девки засмеялись.

Глеб тоже улыбнулся. Он вдруг вспомнил о том, что Дивлян приносил сестрам баранки и леденцы, глянул на девку и спросил наудачу:

– Слушай, красавица, а ты, случайно, Дивляна-ходока не знаешь?

– Дивляна? – Милана прищурилась. – Погоди-ка... Это тот, у которого сестры-калики?

– Он самый.

Она улыбнулась, блеснув полоской белоснежных, ровных зубов.

– Как же, знаю! Раньше он на торжок часто приходил. Баранки да пряники сестрам покупал. А ты почему спрашиваешь?

– Так. По одному делу. И когда он приходил в последний раз?

– Да давно уж!

Глеб вздохнул.

– Ясно. Дай мне пяток баранок посвежее.

Милана сняла с веревочки пять баранок и протянула Глебу. Он сунул баранки в карман охотничьей куртки и протянул девке медную денежку.

– Премного благодарна! – улыбнулась Милана. – Приходи еще, когда захочешь полакомиться!

– Приду, – пообещал Глеб.

Девка вдруг прищурила голубые глаза и проговорила, понизив голос:

– А я ведь не только про баранки да пряники говорю.

Глеб окинул девку любопытным взглядом и сказал:

– Я тоже.

Несколько секунд они молчали, затем Глеб кивнул в знак прощанья, повернулся и хотел идти, но девка его окликнула:

– Погоди-ка!

Он остановился и снова взглянул на Милану.

– Про Дивляна-то я тебе недосказала. Видела я его недавно.

– Недавно? – наострил уши Глеб. – Когда?

– Когда? Да вчера.

Брови Глеба приподнялись.

– Ты уверена?

– Конечно. Хотя... – Милана пожала острыми плечиками. – Может, это и не Дивлян был.

Глеб наморщил лоб:

– Погоди-погоди, давай все по порядку. Для начала скажи, где ты его видела?

– Да вон там! – Милана указала красной рукавичкой на дощатый забор. – У самого заборчика. Прошмыгнул, как тать, и был таков. Весь какой-то скрюченный, руки в карманах, шею замотал тряпкой, а на глаза шапку нахлобучил.

– Значит, лицо его было скрыто? Почему же ты тогда уверена, что это был он?

Милана снова пожала плечами.

– Да я и не уверена. Вот ты сейчас усомнился, и я тоже сомневаться стала.

Глеб задумался, потер пальцами лоб. Снова взглянул на Милану.

– Значит, говоришь, до вчерашнего дня Дивлян здесь часто появлялся.

– Да, почитай, через день. Денег на сестер не жалел. Только вот за последние две или три седмицы ни разу на торжок не свернул.

– Ясно, – кивнул Глеб.

«Должно быть, девка просто обозналась», – подумал он. А вслух сказал:

– Благодарствую за баранки, красавица! Еще увидимся!

– Увидимся? – быстро проговорила Милана. – Когда же?

– Когда? – Глеб озадаченно нахмурился. – Если честно, я не...

– Сегодня вечером на Сходной площади гулянка, – сказала Милана. – Дядька Опрос разожжет большой костер, будут дудки и пляски. Придешь?

Глеб кивнул:

– Хорошо.

– Обещаешь?

Глеб улыбнулся и покачал головой:

– Прости, но нет.

Милана вздохнула:

– Жаль. Ну, хорошо хоть, что не обманул. А то я бы ждала. Скажи хоть, как тебя зовут, прохожий человек?

– Глеб.

– Глеб, – тихо повторила девка. И кивнула: – Я это запомню. А я Милана.

– Приятно познакомиться, Милана. Не скучай!

Глеб махнул на прощанье рукой, повернулся и, уплетая свежую, теплую еще баранку, двинулся вдоль торговых рядов к выходу с торжка.

Девка-торговка подошла к Милане, толкнула ее плечом и весело проговорила:

– Какой красавчик, а! Высок, статен, а волос густой, будто у девки, – загляденье! Только смотри, как бы не разбил тебе сердце.

Милана засмеялась.

– Да ну тебя, Силка! Брешешь, сама не знаешь что!

Силка, посмеиваясь, отошла на свое место, а Милана посмотрела вслед молодому прохожему задумчивым взглядом и тихо проговорила:

– Значит, Глеб... Что ж, Глеб, коли еще раз увижу – не упущу.

11

Час спустя Глеб снова был на постоялом дворе Дулея Кривого. Забрехавшим под частоколом собакам бросил кусочки зачерствевшей баранки. Псы слопали угощение и завили хвостами, подобострастно глядя на Глеба.

На этот раз Глеб не зашел в дом, а обошел его по кругу и вышел на внутренний дворик, уставленный деревянными ящиками с мусором.

Из-под сапога у него выскочила крыса и, перебежав через освещенную луной площадку, скрылась в сарае.

Ковыряться в мусоре ему не хотелось, но делать нечего. Натянув рукавицы, Глеб склонился над ящиком и принялся за дело.

Остатков съестного здесь не было – в голодное время у Дулея Кривого не пропадала ни одна кость, ни один сухарь.

В основном коробки были забиты старыми, заношенными до тления вещами, драными оборками, оберточными тряпками и сгнившими дощечками от ящиков, в которых купцы привозили товар.

Минут двадцать Глеб рылся в мусоре без всякого результата, пока не наткнулся на несколько сломанных берестяных туесков. Туески потемнели и прогнили от влаги, и все же Глеб распознал их. Такие же туески он видел в сундуке у ходока Дивляна. Только те были целые, а эти пришли в полную негодность.

Подобрав самый целый на вид туесок, Глеб скинул рукавицу, сунул в него палец и поскреб ногтем по стенкам. Затем поднес палец к глазам. Ноготь и палец испачканы какой-то красноватой дрянью. Приглядевшись внимательнее, он с удивлением опознал в ней бурую пыль.

Вот так дела! Значит, кто-то по-прежнему ходит за бурой пылью в Гиблое место? А если нет, то откуда она берется?

Блажные дома, где любой горожанин или приезжий мог купить себе дозу бурой пыли и погрузиться в нирвану на всю ночь, закрылись еще четыре месяца назад. Невероятно было представить, чтобы кто-то из ходоков или добытчиков втайне промышлял в Гиблом месте. Нынче туда и самый отъявленный отморозок не сунется.

Откуда же тогда у Дивляна была бурая пыль? И почему именно у него?

Глеб вздохнул.

Что ж, по крайней мере, теперь понятно, откуда у Дивляна взялся горшок с серебром. На бурой пыли, если знаешь, где ее достать, можно в короткие сроки сколотить себе огромное состояние. Но Дивлян?.. Глеб качнул головой: нет, на него это не похоже.

Глеб задумался.

Приказчик Перипята говорил, что Дивлян работал на пристани всего два дня в неделю. Значит, у него было время, чтобы ходить в Гиблое место.

Вероятно, Дивлян нашел новые пути и тропы. Он ведь единственный, кто вернулся из Гиблого месяца живым за последние полгода. Возможно, в том жутком походе он потерял левую руку, но взамен нашел чудную вещь, помогающую ему отпугивать темных тварей?

Глеб взглянул на берестяной туесок и нахмурился. Что ж, теперь у него, по крайней мере, есть хоть какая-то зацепка. Главное – грамотно ее использовать. И не терять времени даром.

Глеб швырнул берестяной туесок в мусорный короб, повернулся и зашагал прочь с постоялого двора.

* * *

Тайного разносчика бурой пыли Глеб вычленил в редкой толпе прохожих быстро. Тот был худ и суетлив. Он то и дело шнырял по сторонам глазами, как затравленный зверек.

Подкараулив паренька в темном закоулке, Глеб схватил его за шиворот и прижал к дереву. Кричать разносчик не стал, лишь уставился на Глеба испуганными глазами, сиюсь разглядеть в сумерках его лицо. Поскольку сам Глеб продолжал молчать, разносчик разжал узкие губы и сипло пробормотал:

– Тебе чего, человек?

– Да вот, – спокойно отозвался Глеб, – бурой пылью разжиться хочу. Продашь?

Разносчик нервно улыбнулся:

– Окстись, незнакомец! Какая еще бурая пыль?

– А то сам не знаешь. – Глеб усмехнулся и доверительно сообщил: – Да ты не бойся, я не какой-нибудь там. Заплачу, сколько скажешь.

Парень зыркнул глазенками по сторонам и быстро проговорил:

– Нешто ты не знаешь, что княжым указом запрещено продавать бурую пыль на улице? Ее можно купить только в блажных домах.

– Так ведь дома те закрылись!

– Это верно, – кивнул разносчик. Он снова глянул по сторонам и закусил губу. Парня явно терзали сомнения. С одной стороны, ему не хотелось неприятностей. С другой – было бы глупо упустить такой шанс заполучить нового клиента. В конце концов алчность одолела разум. – Я тебя совсем не знаю, – пробормотал разносчик. – Кто ты и откуда тут взялся?

Глеб сбросил с головы капюшон и приблизил свое лицо к лицу разносчика.

– Не узнаешь? – тихо спросил он.

Лицо паренька вытянулось от изумления:

– Первоход?

Глеб кивнул:

– Он самый.

– Значит, ты вернулся?

– Как видишь. А что обо мне говорят в городе?

– Говорят, ты сгубил княжьи брони, и князь хотел тебя за то четвертовать. Но потом передумал и выгнал из Хлынь-града. Первоход, ежели тебя поймают, то четвертуют!

Глеб усмехнулся:

– Ничего. С Драным катом я как-нибудь договорюсь.

– С Драным катом? – Парень качнул головой: – Ты слишком давно не был в городе, ходок. Драного ката уж нет. Вместо него теперь Ядвига.

– Ядвига?

Разносчик кивнул:

– Угу. Сказывают, лучшей мучительницы, чем эта девка, не сыскать. Сдирает с человека шкуру живьем, а потом посыпает голое мясо солью. А чтобы полонец не помер от мук, Ядвига вливает ему в рот особое гофское зелье.

Глеб хмыкнул.

– Думаю, мне не доведется познакомиться с этой тварью лично, – сухо обронил он. – А теперь скажи: под кем ты ходишь? Кто дает тебе товар для сбыта?

Парень дернулся, пытаясь высвободиться, но Глеб держал крепко. Тогда он состроил жалобную мину и забубнил:

– Первоход, я не могу тебе этого сказать. Если я скажу...

Дуло ольстры уткнулось разносчику в тощий живот.

– Не скажешь, кто дает тебе бурую пыль, продырявлю тебе живот, – сообщил Глеб. – Считаю до пяти. Раз... Два... Три... Четыре...

– Хорошо! – выдохнул разносчик, с ужасом покосившись на обрез. – Его зовут Рашпай Гусак! И он не здешний.

– Откуда же он?

– Из северных земель.

Глеб убрал ольстру и сунул ее в кобуру, притороченную к широкому поясу.

– Я вижу, пока меня не было, в Хлыни появилось много новых людей, – мрачно проговорил он.

Разносчик кивнул:

– Это верно.

– Проведешь меня к Гусаку?

Глаза парня снова забегали.

– А тебе зачем? – бормотнул он побелевшими губами.

– Хочу с ним поговорить.

Разносчик хотел возразить, но Глеб посмотрел ему в глаза, и тот осекся. Затем снова уставился на приклад ольстры, торчащий из кобуры, облизнул тонкие губы и сказал:

– Гусак не погладит меня за это по головке. Но я тебя отведу.

Рашпай Гусак оказался приземистым, толстым и широкоплечим мужиком. Лицо у него было широкое и мясистое и все изрытое шрамами. Одет он был дорого и безвкусно. Голова Гусака была повязана платком, словно у пирата, а во рту блестела железная коронка.

Скользнув по лицу Глеба быстрым, цепким взглядом, пират повернул голову к разносчику и сердито спросил:

– Какого лешего ты притащил сюда чужака, Лапоть?

Разносчик захлопал глазами:

– Гусак, прости. Этот парень пригрозил, что убьет меня, если я не приведу его к тебе. Да ты не бойся, он нас не выдаст. За ним самим охотятся охоронцы.

Гусак перевел взгляд на Глеба и грубо осведомился:

– Это правда?

– Правда, – кивнул Глеб.

– Гм... – Гусак задумчиво очесал мясистый нос толстым пальцем, затем негромко окликнул: – Жихарь!

Глеб не успел шевельнуться, как холодное острие кинжала коснулось его горла. Человек, держащий кинжал, был низок ростом и худ, но глаза его, светло-голубые, почти бесцветные, пылали холодным лютым огоньком. Такой зарежет и не поморщится.

Пират пристально взглянул на Глеба и сказал:

– Теперь рассказывай. Кто ты такой и чего тебе от меня надо?

Глеб покосился на кинжал и тихо ответил:

– Меня зовут Первоход.

– Первоход? – Разбойничьи глаза Гусака блеснули. – Так ты тот самый Первоход? Я о тебе слышал.

– И что же ты слышал? – хрипло поинтересовался Глеб, поглядывая на кинжал.

– Слышал, что ты пришел в Хлынь шесть лет тому назад – неведомо откуда. У тебя был огнестрельный посох, и потому люди приняли тебя за колдуна. Старый князь заключил тебя в темницу, но потом княжна Наталья занемогла, и он отпустил тебя. Ты пошел в Гиблое место за пробуди-травой, чтобы излечить княжну. Ты стал первым, кто не побоялся темных тварей.

Пират перевел дух, по-прежнему внимательно разглядывая Глеба. Затем продолжил:

– Сказывают также, что ты разгромил воинство нелюдей из мертвого города. А потом спас Хлынское княжество от нашествия голядской тьмы.

Глеб прищурился.

– Ты много обо мне знаешь, Рашпай Гусак. Теперь ты прикажешь своему человеку убрать кинжал от моего горла?

Гусак покачал головой.

– Нет. Теперь, когда я знаю, кто ты, я буду в десять раз осторожнее. Ероха! Довол! – окликнул он.

Из соседней комнаты вышли еще два молодца и обнажили мечи. Судя по точным, скупым движениям, управляться с мечами они умели. Глеб мысленно пожалел, что пришел к разбойникам открыто. Нужно было подкараулить Гусака на улице, взять его в жесткий оборот и выбить из него всю нужную информацию.

– Князь ненавидит тебя, Первоход, – снова заговорил Гусак. – Если я отдам тебя княжым охоронцам, я получу в награду кучу серебра.

– И ты отдашь меня им? – угрюмо поинтересовался Глеб.

Гусак пожал плечами:

– Почему нет? Я деловой человек. А какой деловой человек откажется от кучи серебра? – Гусак облизнул губы и добавил: – Хотя... Мы можем решить все по-другому.

– И как же? – спросил Глеб.

– Ты был лучшим ходоком. Наверняка принес из Гиблого места кучу чудодейственных амулетов. Отдай их мне, и я отпущу тебя.

Глеб легонько качнул головой:

– У меня нет амулетов. Я от них избавился, когда решил стать огородником.

Пират усмехнулся.

– От ольстры ты, однако, не избавился. Значит, и амулеты где-то спрятал. Отдай их мне, Первоход. Отдай, и я помогу тебе выбраться из княжества целым и невредимым. А если не отдашь...

Договорить Гусак не успел. Глеб резким ударом кулака выбил кинжал из пальцев коротышки Жихаря и, сделав шаг назад, освободил себе пространство для боя.

К тому моменту, когда разбойники сообразили, что к чему, в руке у Глеба уже сверкнул меч-всеруб. Разбойник, что стоял слева, бросился на Глеба, но тот увернулся и вонзил меч ему в живот. Второго разбойника Глеб ударил голом меча по лицу, сбив его с ног, а очухавшемуся коротышке сильным ударом разрубил правое предплечье.

Разобравшись с разбойниками, Глеб вновь взглянул на оторопевшего пирата.

– Отойди к стене и подними руки! – рявкнул он.

Гусак попятился, поднимая толстые руки.

Глеб переложил меч в левую руку, а правой достал из кобуры ольстру и направил ее в грудь Гусаку.

– Вот теперь мы поговорим, – сказал он.

Гусак покосился на ольстру, облизнул пересохшие губы кончиком языка и нервно проговорил:

– Ты не выстрелишь.

– С чего ты взял?

– На шум сбегутся охоронцы и скрутят тебя.

Глеб покачал головой:

– Нет. Я успею уйти. А тебя они найдут на полу с перебитыми ногами. Карманы твои набиты бурой пылью, Гусак, так что дыбы тебе не избежать.

Пират обдумал его слова, прищурил злые глаза и отрывисто спросил:

– Чего ты хочешь?

– Я пришел к тебе, чтобы задать два вопроса и получить на них вразумительные ответы.

– Правда? – Гусак снова облизнул губы. – И что это за вопросы?

– Ты здесь не старший, – сказал Глеб, сверля толстяка угрюмым, холодным взглядом. – Скажи мне, под кем ты ходишь и как мне найти твоего хозяина.

Несколько секунд Гусак молчал, угрюмо глядя на Глеба, потом разомкнул губы и тихо проговорил:

– Если я скажу тебе, он перережет мне глотку.

– А если не скажешь, то это сделаю я, – холодно пообещал Глеб. – Ты слышал обо мне достаточно, Рашпай, и знаешь, что я убил немало народу. Рука моя не дрогнет.

– Ты не убиваешь людей, – возразил пират. – Ты убиваешь нечисть.

Глеб усмехнулся:

– Верно. Но для меня ты и есть нечисть. Поэтому заканчивай болтовню и отвечай на мои вопросы. На кого ты работаешь?

Еще несколько секунд понадобилось Гусаку, чтобы преодолеть внутренний барьер и заговорить. Для начала он хладнокровно и деловито уточнил:

– Ты его убьешь?

– Возможно, – ответил Глеб. – Но тебе ведь это только на руку. Займешь его место и приберешь к рукам весь город.

Гусак усмехнулся, прищурил лютые глазки и кивнул.

– Хорошо. Моего старшего зовут Белозор Баска. Раньше он был ходоком.

Глеб помнил Белозора. Это был очень умелый и опытный ходок. Сильный, хитрый, безжалостный и дерзкий. Впрочем, Глеб никогда не воспринимал его всерьез. Возможно, причиной тому была слащавая внешность Белозора. Кожа у него была нежная, словно у девушки, а сам он был просто ангельски красив. Кто бы мог подумать, что этот смазливый парень возглавит шайку головорезов?

– Значит, Белозор ваш главарь. – Глеб прищурил недобрые глаза: – Интересное кино. И где мне его найти?

– У него в Хлыни свое кружало. Между Торжком и Скуфьей горой. Над дверью – два бычьих черепа, а между ними доска с намалеванным лешаком.

Глеб опустил ольстру.

– Молодец, – сказал он. – Веди себя тихо, Рашпай Гусак, и останешься жив.

Глеб повернулся к двери, убирая ольстру в кобуру, и тут пират бросился на него.

Грохот выстрела разорвал влажную тишину подвала. Пират остановился, выпучив глаза, и схватился пятернями за живот. Между пальцами его просочилась кровь и закапала на пол.

Глеб взглянул на красное пятно, расплывающееся по светлому подстегу Гусака, и с досадой проговорил:

– Дурак. Я же предупреждал.

Пират попытался что-то сказать, но не смог и рухнул на пол. Глеб обвел оставшихся разбойников угрюмым взглядом и холодно поинтересовался:

– Кто-нибудь еще хочет?

Разбойники молчали.

– Так я и думал, – сказал Глеб.

Он вложил ольстру в кобуру и снова повернулся к двери. На этот раз никто не попытался его остановить.

Выйдя на улицу, Глеб вдохнул полной грудью свежий, морозный воздух. Мышцы его все еще были напряжены, пальцы чуть подрагивали. Царапина на шее, оставленная кинжалом коротышки, слегка зудела, но в остальном Глеб чувствовал себя сносно.

12

Кружало с прибитыми над верями бычьими черепами Глеб нашел не без труда. Место было укромное, вдали от мощеной главной улицы, запутавшееся в глухой сети переулков, как муха в паутине.

У кружала играли на морозе в кости два подвыпивших охоронца в тулупах. Глебу не составило труда проскользнуть мимо них незамеченным.

Внутри кружало выглядело не хуже и не лучше любого подобного заведения Хлыньграда. Та же массивная деревянная стойка с флегматичным целовальником по ту сторону, лениво натирающим оловянные стаканчики на фоне полок с брагой, хмельным сбитнем и олу-сом. Длинные дубовые столы, все в разводах от пролитых напитков, такие же длинные лавки, обсиженные подвыпившими посетителями. Гул голосов, смог от жаровен, запах браги и жареного мяса.

Увидев в отдалении комнатку, занавешенную плотной шторой, Глеб двинулся к ней. Пройдя через зал и уже протянул руку к шторе, как вдруг путь ему преградили два рослых парня с железными кастетами в руках.

– Куда? – ласково спросил один из них.

– К Белозору, – ответил Глеб, спокойно глядя парню в глаза.

– А кто ты?

– Его друг. Глеб Первоход.

Парень прищурился, оглядел Глеба с головы до ног и с ног до головы и сказал:

– Погодь тут, я ему скажу.

Парень исчез за шторкой, оставив Глеба со своим напарником.

– А ты правда Первоход? – спросил напарник, с любопытством глядя на Глеба.

Глеб кивнул:

– Правда.

– Говорят, ты обвел вокруг пальца самого князя. Обещал ему громовые посохи, а взамен привез гнилые палки.

Глаза Глеба угрожающе сузились.

– Не советую тебе повторять этот бред, – холодно проговорил он.

Парень ухмыльнулся и хотел что-то сказать, но в этот миг из-за шторы окликнули:

– Эй, Первоход, входи!

Парень посторонился, освобождая проход, Глеб откинул полог шторы и вошел в комнату.

Первое, что увидел Глеб, был стол, уставленный и заваленный всевозможными яствами – недоеденными жареными курами, свиными ногами, кусками белого хлеба. Между тарелками с едой стояли кувшины с выпивкой.

Привыкнув к полумраку комнаты, чуть подсвеченному двумя сальными свечами, Глеб разглядел и людей, сидящих за столом.

– Ба! – услышал он насмешливый голос Белозора. – Уж не великий ли ходок пожаловал в нашу компанию?

Глеб взглянул на жоака разбойников. Тот был все так же смазлив, как прежде, только выглядел совершеннейшим клоуном. Волосы его были стянуты за затылке и перевязаны алой лентой, русая борода заплетена в тощую косицу. Гофский золотистый камзол с белым накрахмаленным воротом сидел на Белозоре как влитой и блистал чистотой, но выглядел столь же дико, как лента и борода-косичка.

Остальные разбойники, числом не меньше полудюжины, были полной противоположностью изысканному до идиотизма и смазливому до отвращения Белозору.

– Так зачем ты сюда пришел, Первоход? – поинтересовался Белозор, потягивая из серебряной кружки хмельной сбитень.

Глеб хотел ответить, но вдруг лишился дара речи. Только сейчас он разглядел девушку, сидевшую рядом с лютым красавчиком Белозором. Разглядел – и оцепенел. Это была Диона.

В ушах у Глеба зазвучали слова, сказанные, кажется, целую вечность назад:

— Глеб, я не сказала тебе, что я нелюдь... Я думала, ты уйдешь. А я не хотела, чтобы ты уходил. Я не виновата, что я такая... Ты мною брезгуешь? Брезгуешь, Глеб?..

– Диона! – выдохнул он, изумленно глядя на девушку. Затем сделал над собой усилие, усмехнулся и добавил: – Когда я видел тебя в последний раз, ты умирала.

– Как видишь, мне удалось выжить, – холодно проговорила Диона.

И новая сцена пронеслась у Глеба перед глазами. Диона лежит на траве, истерзанная кроважадным стригоем, а сам Глеб стоит у черной плиты Нуарана, зажав в руке камушек, который нужно вставить в выемку. Камушек, способный исполнить любое твое желание. Любое. Но одно. А Глеб уже видит Москву, видит скверы и бары, видит свою «Хонду», на которой отмахал сотни километров и с которой успел сродниться, свой компьютер, лица друзей и подруг... И все это заслоняет лицо умирающей Дионы...

В горле у Глеба защемило от обиды. Ему захотелось крикнуть:

«Ведь это я тебя спас! Я отказался от возвращения домой ради того, чтобы ты была жива! Я плюнул на свою мечту. И ради чего? Ради того, чтобы ты сидела в компании негодяя Белозора и его ублюбочных друзей!»

Все эти слова закружились, заклокотали в горле у Глеба, но наружу так и не вырвались. Он стоял перед дубовым столом, уставленным жратвой и выпивкой, и молча смотрел на девушку.

– Что же ты молчишь, Первоход? – прищурила зеленые глаза Диона. – Ты не рад меня видеть?

– Да он, кажись, язык проглотил! – с насмешливой веселостью высказался один из разбойников.

– Точно! – поддакнул другой. – А может, оглох! Эй, Первоход, ты слышишь, что я говорю?

Разбойники загоготали.

Глеб разлепил спекшиеся губы и тихо проговорил:

– Я рад, что ты жива, Диона. Ты стала еще красивее, чем была.

Девушка усмехнулась.

– Надо же, какие речи, – холодно протянула она. – А ведь раньше ты презирал меня. За то, что я нелюдь, за то, что умею видеть будущее.

– Хватит тебе лаяться, – примирительно проговорил Белозор. – Эй, Первоход, присаживайся. Будь моим гостем. Ешь и пей вволю. Если хочешь, подберем тебе девку.

– Если понадобится, я сделаю это сам, – сказал Глеб, усаживаясь на свободное место за столом.

Белозор засмеялся.

– Не сердись, Первоход. Ты такой же ходок, как я. А ходоки должны держаться друг за друга. Люди нас не любят. Считают, что мы такое же отродье Гиблого места, как оборотни и упыри.

Глеб холодно прищурился.

– Раньше я в это не верил. Но теперь вижу, что в чем-то они правы.

Белозор нервно дернул холеной щекой.

– Брось, Первоход. Вдохни и выдохни. Мы с тобой стоим друг друга. Выпей чего-нибудь, расслабься.

Глеб качнул головой.

– Не хочу. Давай к делу.

Белозор прищурил лучистые глаза.

– Ну, что ж, дело так дело. Что привело тебя ко мне, Первоход?

– Ты слышал про ходока Дивляна?

– Про то, что он ходил в Гиблое место и вернулся оттуда без руки?

– Про то, что недавно он умер, – сказал Глеб, пристально разглядывая смазливое лицо Белозора. – Не знаешь, кстати, от чего?

Главарь разбойников покачал головой.

– Нет, Первоход, то мне неизвестно. Говорят, он чем-то отравился. А почему ты спрашиваешь?

Глеб чуть подался вперед и отчетливо проговорил:

– Я нашел в комнате Дивляна туюски с остатками бурой пыли.

Лицо Белозора окаменело, а его подельники тихо и недовольно зашептались. Несколько секунд главарь сидел молча, прежде чем сбросил оцепенение и сказал:

– Выходит, Дивлян таскал из Гиблого места бурую пыль?

– Может, да, – сказал Глеб. – А может, и нет. Я-то думаю, что он брал бурую пыль у тебя.

– У меня? – Белозор улыбнулся, блеснув ухоженными зубами. – Уверю тебя, Первоход, если бы он это делал, я бы знал.

– Может быть, может быть... – тихо и задумчиво проговорил Глеб. – Скажи-ка, Белозор, а где ты берешь бурую пыль? Ведь в Гиблое место нынче никто не ходит.

Главарь разбойников прищурил красивые глаза и с улыбкой объяснил:

– Старые запасы, Глеб. Но скоро и им придет конец. Бурая пыль нынче на вес золота.

Люди выкладывают все, что имеют, за возможность хоть немного забыться.

Белозор помолчал, наблюдая за Глебом, а затем, чуть подавшись вперед, спросил:

– Как думаешь, где Дивлян нашел бурую пыль?

– Я не знаю, – ответил Глеб. – А ты?

Белозор усмехнулся и качнул головой.

– И я нет. Говорю тебе, дружище, на меня он не работал. Да и не стал бы я брать Дивляна к себе в услужение. Ты ведь помнишь, какой он был переборчивый да честный.

Глеб обдумал слова Белозора и спросил:

– Выходит, ты тут ни при чем?

Главарь разбойников улыбнулся Глебу приятной улыбкой и уточнил:

– Смотря что ты имеешь в виду.

– Я имею в виду смерть Дивляна, – пояснил Глеб. – Это ведь не твои люди прикончили его?

– Я не знаю, отчего помер Дивлян, – спокойно сказал Белозор. – Но я тут действительно ни при чем. А если ты будешь упорствовать в своих утверждениях, тебе придется отправиться в страну мертвых и расспросить обо всем самого Дивляна.

– Если я когда-нибудь туда соберусь, я прихватю тебя с собой, – пообещал Глеб. Он поднялся с лавки. – Прощай, Белозор Баска.

– Прощай, Глеб Первоход. Рад был повидаться.

– Хотел бы я сказать то же самое.

– Что же тебе мешает?

– Не спрашивай и не нарвешься на грубость. Счастливо оставаться, ребята. Прощай и ты, Диона.

Глеб с трудом отвел взгляд от лица девушки, повернулся и зашагал к выходу, чувствуя напряженной спиной злобные, ненавидящие взгляды разбойников.

Лишь оказавшись на улице, он расслабился и вздохнул с облегчением.

13

Примерно в два часа пополуночи дверь кружала открылась, и на улицу в клубах пара вывалилась веселая компания Белозора. Сам главарь шагнул впереди в обнимку с Дионой. Пройдя несколько шагов, она ловко высвободилась из его объятий и ласково сказала:

– Белозорчик, ты иди, а я сейчас.

Главарь усмехнулся:

– Понимаю. Буду ждать в санях. Но не задерживайся слишком долго.

– Конечно.

Белозор поцеловал Диону в губы, повернулся и, обнявшись с друзьями-разбойниками, зашагал к саням.

Диона подождала, пока он отойдет подальше, повернулась к углу кружала и тихо позвала:

– Глеб! Глеб, ты ведь еще здесь?

Глеб вышел из-за угла.

– Как ты узнала? – спросил он угрюмо.

Диона улыбнулась:

– Я ведь вещунья, или ты забыл?

Глеб подошел к ней вплотную. Вгляделся в ее худощавое, чуть скуластое, мягко освещенное луной лицо.

– Ты изменилась, – сказал он.

– Человек, вернувшийся из иного мира, не может быть тем, кем был прежде, – сказала на это Диона.

Глеб усмехнулся, но усмешка его вышла напряженной и неестественной.

– Что же в тебе изменилось, Диона?

– Этого не скажешь в двух словах, – ответила она.

Они помолчали, разглядывая друг друга. Первым молчание прервал Глеб.

– Почему ты с Белозором? – сухо спросил он.

Диона пожала плечами.

– А с кем мне быть? Я ведь все еще нелюдь, Глеб. Люди сторонятся меня и не доверяют мне. Возвращаться в срамной дом я не хочу.

– С Белозором лучше, чем там?

Глаза Дионы сухо блеснули в лунном свете.

– Он заботится обо мне, – сказала она. – И он не такой плохой, как ты думаешь.

– Он разбойник и убийца, – холодно возразил Глеб. – А ты... Ты достойна лучшей участи.

Ты ведь вещунья. Ты могла бы...

Диона покачала головой:

– Нет, Глеб. Уже нет. Когда-то у меня на ладонях были глаза, и эти глаза видели много такого, чего не видит больше никто. Но теперь...

Диона подняла руки и повернула их ладонями к Глебу. На ее узких ладонях багровели уродливые круглые шрамы. Диона сжала кулаки и опустила руки.

– Теперь я ничего не могу, – тихо сказала она. – И ничего не стою.

Глеб привлек Диону к себе и порывисто поцеловал в губы. Она отстранилась.

– Не надо, Глеб.

– Но я все еще люблю тебя. Ты ведь это знаешь.

Она грустно покачала головой.

– Слишком поздно, Глеб. Слишком поздно.

– Ничего не поздно! Я...

Диона положила Глебу на губы палец:

– Тише, Первоход. Если Белозор узнает, что я с тобой, он убьет тебя.

Глеб усмехнулся:

– Поверь, я не боюсь Белозора.

– И напрасно. Ты знал Белозора-ходока. Но последний поход в Гиблое место выжиг ему душу. Теперь он другой, и его боится даже Бава Прибыток.

Глеб фыркнул.

– Все равно! Плевать я хотел и на Белозора, и на Баву, и на Гиблое место с его смрадной нечистью!

Диона прищурила глаза и пристально взгляделась в покрасневшее лицо Глеба.

– Ты всегда был одиночкой, – задумчиво произнесла она. – Но все переменялось, Глеб. Теперь ты не выживешь, если будешь один.

– Диона! – проорал от саней Белозор. – Диона, куда ты подевалась?

Диона высвободилась из объятий Глеба и быстро проговорила:

– Мне пора, Глеб.

– Я живу в доме у Ненаша Лысого, – сказал он, нахмурившись и подрагивая от волнения. – Мое окно выходит на сарай. Приходи туда через час.

– Глеб, я не могу.

– Тогда приходи утром. Как рассветет. Я буду ждать. Буду ждать, понимаешь? Если ты не придешь, я все пойму.

– Прощай, Глеб!

Диона повернулась и быстро зашагала к саням.

Глеб прислонился спиной к стене и перевел дух. До этой встречи он и не подозревал, что все еще любит ее. А может быть, дело в том, что Диона действительно стала другой?

Глеб задрал рукав куртки. На предплечье его красовались небольшие белесые шрамы. Их осталось семь. Семь шрамов, семь испытаний. Когда последний шрам исчезнет, Глеб вернется домой – так сказала колдунья Мамелфа. Но нужно ли ему теперь это возвращение?

Он опустил рукав. Не стоит раскисать. Главное сейчас – найти убийцу Дивляна и разобраться в том, что происходит в городе. А там будет видно.

14

Комнатка, которую Глеб снимал у Ненаша Лысого, была крохотной, но теплой, благодаря своим мизерным размерам и небольшой, но чрезвычайно умело сложенной печке. Несколько дубовых поленьев хватало, чтобы сохранять тепло в комнате целый день.

В огромном сундуке, кроме скромной одежды, хранилось оружие Глеба. Два украшенных серебряной инкрустацией меча-всеруба, выкованных кузнецом-вещуном Вакаром и заговоренных им от нечисти десятью заговорами. Дюжина метательных ножей, меч-скрамасакс, два тяжелых ножа-косаря, деревянный ящик с патронами для ольстры. Патроны были начинены дробью и хуралуговыми пулями с примесью белого железа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.